

DIGITAL LAW JOURNAL

Vol. 2, No. 3, 2021

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INTERVIEW

- 8 Digital Arbitration — A Useful Tool in the Hands of Homo Sapiens
Alexey Kostin, Alexander Grebelsky

ESSAYS

- 23 Internet Court on Solving Online Consumer Contract Disputes: Case of China
Jianing Sang
- 46 Non-Fungible Tokens (NFT) and Intellectual Property: The Triumph of the Proprietary Approach?
Alexander Dolganin

ARTICLES

- 55 The Realization of the Right to Freedom of Speech on the Internet
Iana Fliter

BOOK REVIEW

- 71 Technological Order and Legal Thought: Dualistic Paradigm of Development
Vladimir Osipov, Alexey Minbaleev

DIGITAL LAW JOURNAL

Journal of research and practice

Published since 2020

4 issues per year

Vol. 2, No. 3, 2021

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-практический журнал

Журнал издается с 2020 г.

4 выпуска в год

Том 2, № 3, 2021

Contents

Interview

- 8** Digital Arbitration – A Useful Tool in the Hands of Homo Sapiens
Alexey Kostin, Alexander Grebelsky

Essays

- 23** Internet Court on Solving Online Consumer Contract Disputes: Case of China
Jianing Sang
- 46** Non-Fungible Tokens (NFT) and Intellectual Property: The Triumph of the Proprietary Approach?
Alexander Dolganin

Articles

- 55** The Realization of the Right to Freedom of Speech on the Internet
Iana Fliter

Book Review

- 71** Technological Order and Legal Thought: Dualistic Paradigm of Development
Vladimir Osipov, Alexey Minbaleev

Содержание

Интервью

- 8** Цифровой арбитраж — полезное орудие в руках homo sapiens
Алексей Костин, Александр Гребельский

Эссе

- 23** Разрешение онлайн споров с участием потребителей: опыт Китая
Цзяньин Сан

- 46** Соотношение невзаимозаменяемых токенов (NFT) и интеллектуальной собственности: триумф проприетарного подхода?
Александр Долганин

Статьи

- 55** Реализация свободы слова в цифровой среде
Яна Флиттер

Рецензия на книгу

- 71** Технологические уклады и правовая мысль: дуалистическая парадигма развития
Владимир Осипов, Алексей Минбалеев

DIGITAL LAW JOURNAL

AIMS AND SCOPE

The purpose of the Digital Law Journal is to provide a theoretical understanding of the laws that arise in Law and Economics in the digital environment, as well as to create a platform for finding the most suitable version of their legal regulation. This aim is especially vital for the Russian legal community, following the development of the digital economy in our country. The rest of the world has faced the same challenge, more or less successfully; an extensive practice of digital economy regulation has been developed, which provides good material for conducting comparative research on this issue. Theoretically, “Digital Law” is based on “Internet Law”, formed in English-language scientific literature, which a number of researchers consider as a separate branch of Law.

The journal establishes the following objectives:

- Publication of research in the field of digital law and digital economy in order to intensify international scientific interaction and cooperation within the scientific community of experts.
- Meeting the information needs of professional specialists, government officials, representatives of public associations, and other citizens and organizations; this concerns assessment (scientific and legal) of modern approaches to the legal regulation of the digital economy.
- Dissemination of the achievements of current legal and economic science, and the improvement of professional relationships and scientific cooperative interaction between researchers and research groups in both Russia and foreign countries.

The journal publishes articles in the following fields of developments and challenges facing legal regulation of the digital economy:

1. Legal provision of information security and the formation of a unified digital environment of trust (identification of subjects in the digital space, legally significant information exchange, etc.).
2. Regulatory support for electronic civil turnover; comprehensive legal research of data in the context of digital technology development, including personal data, public data, and “Big Data”.
3. Legal support for data collection, storage, and processing.
4. Regulatory support for the introduction and use of innovative technologies in the financial market (cryptocurrencies, blockchain, etc.).
5. Regulatory incentives for the improvement of the digital economy; legal regulation of contractual relations arising in connection with the development of digital technologies; network contracts (smart contracts); legal regulation of E-Commerce.
6. The formation of legal conditions in the field of legal proceedings and notaries according to the development of the digital economy.
7. Legal provision of digital interaction between the private sector and the state; a definition of the “digital objects” of taxation and legal regime development for the taxation of business activities in the field of digital technologies; a digital budget; a comprehensive study of the legal conditions for using the results of intellectual activity in the digital economy; and digital economy and antitrust regulation.
8. Legal regulation of the digital economy in the context of integration processes.
9. Comprehensive research of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems.
10. Changing approaches to training and retraining of legal personnel in the context of digital technology development; new requirements for the skills of lawyers.

The subject of the journal corresponds to the group of specialties Legal Sciences 12.00.00 and Economic Sciences 08.00.00 according to the HAC nomenclature.

The journal publishes articles in Russian and English.

FOUNDER, PUBLISHER:

Maxim I. Inozemtsev
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITOR-IN-CHIEF:

Maxim Inozemtsev, Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, Head of Dissertation Council Department of MGIMO-University, inozemtsev@digitallawjournal.org
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITORIAL BOARD

Alice Guerra – Ph.D. in Law and Economics, Associate Professor, Department of Economics, University of Bologna, Bologna, Italy

Max Gutbrod – Dr. jur., Independent Scientist, Former Partner and Managing Partner of Baker McKenzie, Moscow, Russia

Steffen Hindelang – Ph.D. in Law, Department of Law, University of Southern Denmark (University of Siddan), Odense, Denmark

Junzo Iida – Ph.D., Department of Law, Soka University, Tokyo, Japan

Julia Kovalchuk – Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Energy Service and Energy Supply Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

Natalia Kozlova – Dr. Sci. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

Danijela Lalić – Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Industrial Engineering and Management, Novi Sad University, Novi Sad, Serbia

Clara Neppel – Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, Senior Director

of the IEEE European Business Operations, Vienna, Austria

Lyudmila Novoselova – Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vladimir Osipov – Dr. Sci. in Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Professor of the Asset Management Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Francesco Parisi – Ph.D. in Law, Professor, Department of Law, University of Minnesota, Minneapolis, the USA

Vladimir Plotnikov – Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Bo Qin – Ph.D., Professor, Head of the Department of urban planning and management, Renmin University of China, Beijing, China

Elina Sidorenko – Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Founded:	The journal has been published since 2020
Frequency:	4 issues per year
DOI Prefix:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Mass Media Registration Certificate:	ЭЛ № ФС 77-76948 of 9 Oct. 2019 (Roskomnadzor)
Distribution:	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
Editorial Office:	76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dj@digitallawjournal.org
Published online:	30 Sep. 2021
Copyright:	© Digital Law Journal, 2021
Price:	Free

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Цель электронного журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) — создание дискуссионной площадки для осмысления в научно-практической плоскости легализации цифровых технологий, особенностей и перспектив их внедрения в нормативно-правовое поле. Особенно остро эта задача стоит перед российским сообществом правоведов в связи с развитием цифровой экономики в нашей стране. С этой же задачей сталкивается и остальной мир, решая её более или менее успешно. В мире сформировалась обширная практика нормативного регулирования цифровой экономики, она даёт хороший материал для проведения сравнительных исследований по этой проблематике. В теоретическом плане «цифровое право» опирается на сформировавшееся в англоязычной научной литературе академическое направление «интернет-право», которое ряд исследователей рассматривают как отдельную отрасль права.

Задачами журнала являются:

- Публикация исследований в области цифрового права и цифровой экономики с целью интенсификации международного научного взаимодействия и сотрудничества в рамках научного сообщества экспертов.
- Удовлетворение информационных потребностей специалистов-профессионалов, должностных лиц органов государственной власти, представителей общественных объединений, иных граждан и организаций в научно-правовой оценке современных подходов к правовому регулированию цифровой экономики.
- Распространение достижений актуальной юридической и экономической мысли, развитие профессиональных связей и научного кооперативного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежных государств.

В журнале публикуются статьи по следующим направлениям развития и задачам, стоящим перед нормативным регулированием цифровой экономики.

1. Нормативное обеспечение информационной безопасности, формирование единой цифровой среды доверия (идентификация субъектов в цифровом пространстве, обмен юридически значимой информацией между ними и т. д.).
2. Нормативное обеспечение электронного гражданского оборота; комплексные правовые исследования оборота данных в условиях развития цифровых технологий, в том числе персональных данных, общедоступных данных, "Big Data".
3. Нормативное обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных.
4. Нормативное обеспечение внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке (криптовалюта, блокчейн и др.).
5. Нормативное стимулирование развития цифровой экономики; правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Сетевые договоры (смарт-контракты). Правовое регулирование электронной торговли.
6. Формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики.
7. Обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства; определение «цифровых объектов» налогов и разработка правового режима налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий. Цифровой бюджет; комплексное исследование правовых условий использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики. Цифровая экономика и антимонопольное регулирование.
8. Нормативное регулирование цифровой экономикой в контексте интеграционных процессов.
9. Комплексные исследования правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.
10. Изменение подходов к подготовке и переподготовке юридических кадров в условиях развития цифровых технологий. Новые требования к навыкам и квалификации юристов.

Тематика журнала соответствует группе специальностей «Юридические науки» 12.00.00 и «Экономические науки» 08.00.00 по номенклатуре ВАК.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ:

Иноземцев Максим Игоревич

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Максим Иноземцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, начальник отдела диссертационных советов МГИМО-Университет МИД России, inozemtsev@digitallawjournal.org

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алиса Герра — Ph.D. in Law and Economics, доцент факультета экономики, Болонский университет, Болонья, Италия

Макс Гутброд — Dr. jur., независимый исследователь, бывший управляющий партнер международной юридической фирмы Baker McKenzie, Москва, Россия

Дзюндзо Иида — Ph.D., профессор факультета права, Университет Сока, Токио, Япония

Юлия Ковальчук — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергоснабжением, Московский авиационный институт, Москва, Россия

Наталья Козлова — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Даниела Лалич — Ph.D. in Technical Sciences, доцент факультета промышленной инженерии и менеджмента, Нови-Садский университет, Нови-Сад, Сербия

Клара Неппель — Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, старший директор по вопросам европейских бизнес операций Института инженеров электротехники и электроники, Вена, Австрия

Людмила Новоселова — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав,

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Владимир Осипов — доктор экономических наук, Ph.D. in Economics, профессор кафедры управления активами, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Франческо Паризи — Ph.D. in Law, профессор факультета права, Миннесотский университет, Миннеаполис, США

Владимир Плотников — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Элина Сидоренко — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Штеффен Хинделанг — Ph.D. in Law, факультет права, Университет Южной Дании (Сидданский университет), Оденсе, Дания

Бо Цинь — Ph.D., профессор, заведующий кафедрой городского планирования и управления, Университет Жэньминь, Пекин, Китай

История издания журнала:	Журнал издается с 2020 г.
Периодичность:	4 выпуска в год
Префикс DOI:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:	№ ФС 77-76948 от 09.10.2019 (Роскомнадзор)
Условия распространения материалов:	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License
Редакция:	119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dij@digitallawjournal.org
Дата публикации:	30.09.2021
Копирайт:	© Цифровое право, 2021
Цена:	Свободная

От редакции

Всеобщая цифровизация не обошла стороной и сферу третейского разбирательства. В чем заключаются достоинства и недостатки внедрения цифровых технологий, как повлиял COVID-19 на работу ведущих арбитражных учреждений, предполагает ли цифровизация делокализацию МКА и есть ли будущее у цифрового арбитра? На эти и другие вопросы главного редактора журнала Цифровое право (Digital Law Journal) Максима Игоревича Иноземцева ответили Алексей Александрович Костин и Александр Владимирович Гребельский.

Костин Алексей Александрович — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева МГИМО МИД России. Председатель Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) и Морской арбитражной комиссии (МАК) при ТПП РФ. Член Научно-консультативных советов при Верховном Суде и Министерстве юстиции РФ, а также Совета по кодификации и развитию гражданского законодательства при Президенте РФ, член Королевского института арбитров (Лондон). Председатель Редакционного совета журнала «Коммерческий арбитраж». Советник Международной Федерации институтов коммерческого арбитража.

В сферу профессиональных интересов А. А. Костина входят правовые вопросы международной торговли и международного арбитража. Автор многочисленных публикаций по гражданскому и торговому праву РФ и зарубежных стран, правовому регулированию внешней торговли и международного коммерческого арбитража. Многократно участвовал в качестве арбитра в международных третейских разбирательствах по регламентам ведущих арбитражных учреждений мира.

Гребельский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева МГИМО МИД России. Председатель Коллегии по международным спорам Арбитражного центра при РСПП. Заместитель директора Информационного центра Гаагской конференции по международному частному праву в Москве. Заместитель председателя комиссии по третейскому разбирательству при Ассоциации юристов России. Председатель комиссии по развитию арбитража и других альтернативных способов разрешения и урегулирования споров при Московском региональном отделении Ассоциация юристов России. Член Российского отделения Ассоциации международного права.

А. В. Гребельский является Управляющим партнером адвокатского бюро «Гребельский и Партнеры» и руководит практикой разрешения международных коммерческих споров. Автор ряда научных публикаций и комментариев по проблемам международного коммерческого и инвестиционного арбитража, международного гражданского процесса, правового регулирования внешнеэкономической деятельности.

ИНТЕРВЬЮ

ЦИФРОВОЙ АРБИТРАЖ — ПОЛЕЗНОЕ ОРУДИЕ В РУКАХ НОМО SAPIENS

А.А. Костин, А.В. Гребельский*

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Ключевые слова

арбитраж, цифровой арбитраж, третейский суд, МКАС, МКА

Для цитирования

Костин, А. А., Гребельский, А. В. (2021). Цифровой арбитраж — полезное орудие в руках *homo sapiens*. *Цифровое право*, 2(3), 8–22. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-8-22>

* Автор, ответственный за переписку

Уважаемые коллеги, как известно, сегодня не существует единого подхода к понятию «цифровое право» наряду с вариативностью определения термина «арбитраж». Попытка адаптации данных понятий друг к другу, как представляется, создает еще более сложное положение. Как Вы думаете, повлияли ли новые технологии на арбитраж? Справедливо ли утверждение, что цифровизация лишь повышает эффективность арбитража или имеются некоторые негативные последствия внедрения цифровых технологий?

А. К.: Хочу обратить внимание на то, что в современном отечественном арбитражном праве под термином «арбитраж» понимается процесс разрешения споров третейским судом (составом арбитров) и принятие последним решения. Разумеется, арбитраж как процедура не мог избежать воздействия новых технологий, особенно в сфере коммуникаций и хранения информации. Осмысленное использование «цифры» способствует эффективности как самого арбитража, так и его администрирования постоянно действующими арбитражными учреждениями.

А. Г.: Согласен с Алексеем Александровичем, новые технологии серьезным образом повлияли на арбитражный механизм разрешения споров, более того, их влияние растет с каждым днем, и это не только использование видео-конференц-связи в период пандемии COVID-19, но и переход на электронный документооборот. Сюда следует отнести, к примеру, использование e-bundles — сформированные в специальные электронные тома материалы дела, с которыми одновременно могут работать и арбитры, и стороны. Более того, появились специализированные арбитражные учреждения, которые рассматривают споры в рамках коммерческого оборота,

осуществляемого в сети Интернет. Речь идет о так называемом онлайн-арбитраже. Особенную популярность он получил в Китае. Некоторые центры (по их собственным заверениям) рассматривают уже сотни тысяч подобных интернет-споров в год.

Александр Владимирович, Вы упомянули некоторые особенности работы в эпоху COVID-19. Имели ли место иные изменения в работе ведущих арбитражных учреждений в этот период?

А. Г.: Положительную роль для рассмотрения дел Арбитражным центром при РСПП в самом начале пандемии сыграло то обстоятельство, что положения арбитражного регламента предусматривали широкую дискрецию состава арбитража при решении вопроса о проведении слушаний с использованием видео-конференц-связи. По нашему опыту, в большинстве дел обе стороны либо сами просили провести слушания удаленно, либо с удовольствием соглашались на соответствующие предложения арбитров. Но даже там, где одна из сторон могла возражать против такого формата, арбитры, с учетом положений регламента, могли принять соответствующее решение самостоятельно. В итоге в 2020 году с использованием систем видео-конференц-связи было рассмотрено более половины из 350 дел, наибольшее число таких дел пришлось на третий и четвертый квартал 2020 года. Сотрудники аппарата, при наличии соответствующей возможности, работали удаленно. Однако это никак не сказалось ни на сроках, ни на качестве администрирования споров, что показывает и возросшее число рассмотренных в прошлом году дел.

А. К.: Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ не прекращал работу в период пандемии. Помимо использования всего спектра средств, препятствующих распространению инфекции, расширилось использование дистантных средств коммуникаций при проведении организационных совещаний и устных слушаний, а также заседаний коллегиальных органов — Президиума и Комитета по назначениям арбитров МКАС, прежде всего посредством видео-конференц-связи.

Изменилась ли процедура назначения арбитра в МКА в результате внедрения цифровых технологий?

А. К.: Этот аспект администрирования арбитража не подвергся каким-либо существенным «мутациям» в международном измерении. Применительно к МКАС, как уже отмечено, заседания комитетов по назначениям в необходимых случаях проводились заочно, а Председатель МКАС в нетерпящих отлагательства случаях стал чаще использовать имеющиеся у него делегированные полномочия назначающего органа.

А. Г.: Процедура назначения арбитров проходила в строгом соответствии с регламентом и никаких изменений не претерпела. Отрадно отметить, что в нескольких международных спорах, рассмотренных центром в 2020 году, участвовали и арбитры из-за рубежа, что опять-таки в период закрытия границ стало возможно благодаря использованию систем видео-конференц-связи.

Как известно, обеспечение конфиденциальности — одно из основных преимуществ рассмотрения спора в арбитраже. Не создает ли использование электронных технологий проблем утечки данных и цифровой безопасности при хранении документов, предоставлении доказательств и общении с участниками арбитражного разбирательства?

А. К.: Нельзя не согласиться с тем, что использование цифровых технологий нередко порождает обоснованные сомнения касательно сохранения принципа конфиденциальности, который считается одной из привлекательных черт коммерческого арбитража. Разумеется, стороны вольны в необходимых случаях ограничить или отказаться от него, однако несанкционированное вторжение в частное разбирательство недопустимо, что предполагает необходимость разработки и использования надлежащих средств защиты от хакеров.

А. Г.: Задолго до пандемии перед руководством центра встал вопрос о том, как обеспечить конфиденциальность в случае с удаленными слушаниями. В отличие от многих зарубежных центров, в которых слушания осуществляются с использованием доступных публичных систем по типу Zoom, Арбитражный центр при РСПП остановил свой выбор на системе российской разработки Mind, особенностью которой в том, что она размещена на серверах, находящихся непосредственно в помещениях арбитражного центра, что является дополнительной гарантией конфиденциальности. В наше время, когда кибератаки достигают немыслимого масштаба, застраховаться от них на 100 %, конечно, невозможно. Но следует понимать, что и в обычном «очном» споре существует риск утечки информации, поскольку помимо арбитражного учреждения и арбитров с материалами дела взаимодействуют стороны и их юридические представители. К сожалению, до сих пор российские юридические фирмы уделяют недостаточное внимание вопросам кибербезопасности.

Как стороны могут formalизовать свое соглашение об использовании информационных технологий в ходе рассмотрения спора? Необходимо ли получать согласие арбитра?

А. К.: Представляется, что главное в этом сюжете — согласование всеми участвующими в арбитражном разбирательстве лицами (прежде всего арбитрами и сторонами, а также в необходимых случаях арбитражными учреждениями) одинаково доступных всем информационных технологий, которые будут использованы. Такое соглашение только между сторонами вряд ли может создать надлежащий эффект. Какой-либо особой формализации это соглашение не требует.

А. Г.: Безусловно, если такое соглашение достигается сторонами в ходе разбирательства, его содержание необходимо обсудить с составом арбитража, однако вряд ли арбитры посчитают необходимым возражать против рациональной договоренности сторон. В случае, если такое соглашение достигнуто до начала процедуры и его условия не противоречат императивным правилам, содержащимся в регламенте и применимом законе, с выполнением его условий опять-таки не должно возникнуть особых проблем. Уже сейчас по всему миру заключается немалое число арбитражных соглашений, предусматривающих проведение исключительно виртуальных устных слушаний. За период пандемии стороны по достоинству оценили экономичность этого варианта.

Каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы с получением электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже? Не возникают ли сложности с истребованием таких доказательств?

А. Г.: По моему мнению, электронные доказательства — гораздо более надежный источник информации, нежели доказательства бумажные. Известно, что любой электронный документ обладает метаданными, которые позволяют установить дополнительную информацию о его происхождении, изменении и движении. Кроме того, в случае с электронным документооборотом, например обменом сообщениями по электронной почте, документы оставляют цифровой след, поскольку любое сообщение помимо компьютера пользователя проходит через исходящие и входящие почтовые серверы. В мире разработаны технологии для работы с такими доказательствами, а также подробные протоколы, как, например, тот, что регулярно готовится в США в рамках так называемой Седонской конференции. Однако в России пока все еще ощущается проблема нехватки заточенных под эту область специалистов. Достаточно сказать, что в каждой серьезной американской юридической фирме существует специальный отдел, который так и называется — E-discovery. О существовании подобных отделов в российских юридических фирмах я пока не слышал.

А. К.: Основным здесь является верификация, то есть каким образом будет подтверждена подлинность информации, которая была направлена в виде электронных документов. В отсутствие, как правило, механизма использования электронной подписи весьма вероятно в ряде случаев возникнет необходимость истребования оригиналов документов или их надлежащим образом заверенных копий.

Могут ли быть квалифицированы доказательства, полученные с веб-сайтов, запрещенных Роскомнадзором, или из теневого интернета как доказательства, полученные незаконным путем? В частности, как, на Ваш взгляд, следует расценивать доказательства с портала WikiLeaks, международной некоммерческой организации, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации?

А. К.: Согласно Закону РФ «О международном коммерческом арбитраже» (п. 2 ст. 19) третейскому суду предоставлено право самому определять допустимость, относимость и значимость любого доказательства. Мне трудно представить, чтобы сведения с запрещенных сайтов имели бы значение в делах коммерческого арбитража, во всяком случае эти вопросы должны решаться согласно праву страны места арбитража.

А. Г.: Я полностью с этим согласен. Более того, здесь таится значительное преимущество арбитража, поскольку арбитр, в отличие от государственного судьи, не связан жесткими национальными правилами доказывания. В то же время арбитры стараются учитывать положение применимого к этим вопросам права. С правовой точки зрения эти ситуации являются очень непростыми, поскольку в современном международном коммерческом арбитраже трибунал в основном связан обязанностью выносить исполнимые решения. Поэтому очень часто речь идет и о национальном законодательстве государств, чьей национальностью обладают стороны спора. Действительно, в коммерческом арбитраже подобная ситуация будет скорее экзотической, однако в инвестиционном арбитраже подобные дела уже встречались. К примеру,

в знаменитом деле CopocoPhillips против Венесуэлы государство-ответчик просило трибунал пересмотреть часть решения по юрисдикции и по существу спора, в связи с новыми доказательствами, опубликованными WikiLeaks до завершения разбирательства в части определения размера присуждаемой компенсации. Большинство состава посчитало, что пересмотр решения нежелателен с учетом принципа *res judicata*. В то же время известно, что в этом деле имелось особое мнение одного из арбитров, который посчитал доказательства из WikiLeaks заслуживающими доверия. Существенным фактором в таких делах является указание на то, кто конкретно получил то или иное доказательство — сама сторона или третье лицо.

Разделяете ли Вы мнение, что использование онлайн-технологий затрудняет возможность допроса свидетелей и препятствует реализации права быть услышанным, поскольку онлайн-слушание не способно передать весь спектр эмоций участников процесса, а также не исключает следование инструкциям третьих лиц?

А. К.: Это мнение мною, как и многими специалистами в области МКА, разделяется. Развернутая аргументация по этому вопросу представлена в публикации английского адвоката Khawar Qureshi QC “A leap towards digital court hearings must deal with all their limitations” в газете The Times от 27.05.2021. В авторитетных арбитражных учреждениях ведется работа по совершенствованию регламентных предписаний и созданию технических условий, необходимых для того, чтобы, если и не полностью устранить, то хотя бы существенно снизить те риски, которые обозначены в Вашем вопросе. В практике МКАС актуальным является и вопрос о надлежащей идентификации лиц, выступающих в качестве свидетелей.

А. Г.: До начала пандемии я сам был противником использования виртуальных технологий для допроса свидетелей, поскольку известно, что значительная часть информации передается в ходе допроса невербально. Однако впоследствии, получив в качестве представителя опыт перекрестного допроса с использованием систем видео-конференц-связи, я могу сказать, что у такой процедуры есть свои преимущества — она в значительно большей степени позволяет сосредоточиться на свидетеле и его реакции. Если можно так выразиться, противная сторона вынуждена сидеть «по другую сторону рампы». Кроме того, нужно понимать, что степень драматизма в международном коммерческом арбитраже иногда искусственно подогрета: все же это не уголовный процесс — речь идет о коммерческих и деловых взаимоотношениях сторон, и нюансы поведения свидетелей играют здесь второстепенную роль.

Как Вы считаете, может ли разрешение споров онлайн демократизировать систему правосудия, в частности систему МКА, — сделать ее более доступной и менее финансово обременительной? Или, наоборот, использование передовых технологий при разрешении споров, имея своей преимущественной целью обеспечение большего комфорта его участников, в разы увеличит расходы на рассмотрение дела?

А. К.: Не уверен, что есть прямая связь между рассмотрением споров онлайн и демократизацией. С точки зрения размеров государственных пошлин в отечественном судопроизводстве они предельно демократичны и поэтому чрезвычайно загружены. «Электронное правосудие» в арбитражных судах России в известной степени присутствует. Новые цифровые технологии здесь призваны ускорить существующие процедуры и преодолевать препятствия, вызванные

пандемией. Международный коммерческий арбитраж предполагает существенно более высокий уровень затрат, который иногда может стать барьером на пути инициации арбитража. Не могу при этом не отметить, что арбитражные сборы в МКАС при ТПП РФ кратно ниже, чем в аналогичных арбитражных центрах в Вене, Лондоне, Париже, Стокгольме. Было бы неразумным и несправедливым предполагать, что развитие и внедрение новых технологий в сфере МКА приведет к увеличению финансового бремени пользователей арбитража.

А. Г.: На этот вопрос сложно ответить однозначно. Некоторые участники разбирательств, проходивших по регламенту нашего центра, отметили положительный эффект в виде экономии средств на командировочные расходы своих юристов. Однако в зарубежном арбитраже большую статью расходов стали составлять затраты на технических специалистов, обеспечивающих виртуальную поддержку. В какой-то степени такие затраты сопоставимы с расходами на организацию очного разбирательства.

В предыдущем номере нашего журнала Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш упомянул проблему цифрового неравенства. Как Вы считаете, существует ли цифровое неравенство в сфере МКА — например, в форме неравного доступа к технологиям у участников спора и арбитров?

А. К.: В этом вопросе с Генеральным секретарем ООН трудно не согласиться. Речь идет о фактическом неравенстве доступа к передовым технологиям. Это обстоятельство может привести к нарушению господствующего в МКА императивного принципа равного отношения к сторонам. Следовательно, в конкретных арбитражных разбирательствах арбитры должны следить за тем, чтобы процедуры и технологии были приемлемы для всех сторон во избежание отмены или неисполнения выносимых арбитражных решений.

А. Г.: Следует понимать, что цифровое неравенство действительно существует. К примеру, с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий Россия находится во всемирном индексе ООН лишь на 46 месте. Однако радует, что качество интернет-соединения в России на порядок лучше и при этом дешевле, чем во многих, даже европейских, странах. Решающая роль в соблюдении принципа равенства в арбитражной сфере действительно принадлежит арбитрам, которые должны неустанно следить за возможностью стороны реализовать право быть услышанной.

Предполагает ли, на Ваш взгляд, цифровизация децентрализацию МКА?

А. К.: Очевидно, что цифровизация работает на существующую и развивающуюся концепцию децентрализации МКА. В этой связи нельзя не заметить, что категория «место арбитража» сейчас предстает не в виде его физической локации, а договорной или статутной конструкции, которая связывает конкретное разбирательство с правовой системой конкретной страны. Не думаю, что в обозримом будущем необходимость такой связи будет утрачена.

А. Г.: Думается, что стороны коммерческих контрактов будут в будущем уделять значительно больше внимания сознательному выбору права, применимого к арбитражной процедуре, а также к выбору компетентного органа, не связывая эти понятия исключительно с местом

арбитража. Соответственно, со временем подразумеваемый выбор применимого права, на мой взгляд, может гораздо чаще отыскиваться в праве, применимом к основному контракту в силу наличия соответствующей оговорки. Однако о полной делегализации речь идти, на мой взгляд, не может.

В заключение нашей беседы хотелось бы узнать Ваше мнение — есть ли будущее у «цифрового арбитра» или разрешать споры способен исключительно человек?

А. Г.: Как мы знаем, уже сейчас большое число споров среди пользователей таких площадок, как eBay и Alibaba, решается посредством использования специальных компьютерных алгоритмов. Это удешевляет и ускоряет процесс. Однако по-настоящему сложные правоотношения, коими являются коммерческие споры с иностранным элементом, пока «цифровые арбитры» рассматривать не способны. Тем не менее почти уверен, что соответствующие технологии помогут им в будущем разобраться и в «высшей математике» юриспруденции — международном частном праве. Смею лишь надеяться, что эта прекрасная эпоха начнется не при нас.

А. К.: Если относиться к «цифровому арбитражу» как полезному орудю в руках *homo sapiens*, то его ожидает светлое будущее.

Сведения об авторах:

Костин А. А. — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, председатель Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Москва, Россия.
ORCID 0000-0002-6991-4084

Гребельский А. В.* — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, председатель Коллегии по международным спорам Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Москва, Россия.
grebelsky_a_v@mgimo.ru
ORCID 0000-0003-1301-3727

Editorial

Currently, general digitalization has not spared the sphere of arbitration. What are the advantages and disadvantages of introducing digital technologies, how has COVID-19 influenced the work of leading arbitration institutions, does digitalization imply the delocalization of ICA, and does a “digital arbitrator” have a future? Alexey A. Kostin and Alexander V. Grebelsky answered these and other questions from Maxim I. Inozemtsev, Editor-in-Chief of the Digital Law Journal.

Alexey A. Kostin — Ph. D. in Law, Professor, Head of the S. N. Lebedev Department of Private International and Civil Law, MGIMO-University. President of the International Commercial Arbitration Court (ICAC) and the Maritime Arbitration Commission (MAC) at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (CCI RF). Member of the Scientific Advisory Councils at the Supreme Court and the Ministry of Justice of the Russian Federation, as well as of the Council for codification and development of civil legislation at the President of the Russian Federation, member of the Chartered Institute of Arbitrators (London). Chairman of the editorial board of the Commercial Arbitration journal issued by the Russian CCI. Advisor to the International Federation of Commercial Arbitration Institutions.

Professor Kostin focuses on the legal issues of international trade and international arbitration. Author of numerous publications on civil and commercial law of the Russian Federation and foreign countries, on different issues of legal regulation of foreign trade and international commercial arbitration, he has repeatedly participated as an arbitrator in international arbitration proceedings under the rules of many of the world’s leading arbitration institutions.

Alexander V. Grebelsky — Ph. D. in Law, Associate Professor of the S. N. Lebedev Department of Private International and Civil Law, MGIMO-University. Chairman of the Board for International Disputes of the Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Deputy Director of the Information Center of the Hague Conference on Private International Law in Moscow. Deputy Chairman of the Commission for Arbitration at the Association of Lawyers of Russia. Chairman of the Commission for the Development of Arbitration and ADR at the Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia. Member of the Russian branch of the International Law Association.

Dr. Grebelsky is the Managing Partner of the Grebelsky & Partners Law Office and leads the practice of resolving international commercial disputes. He is the author of various publications and comments on the problems of international commercial and investment arbitration, international civil procedure, legal regulation of international commercial transactions.

INTERVIEW

DIGITAL ARBITRATION — A USEFUL TOOL IN THE HANDS OF HOMO SAPIENS

Alexey A. Kostin, Alexander V. Grebelsky*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, 119454, Russia

For citation

Kostin, A. A., & Grebelsky, A. V. (2021). Digital arbitration — A useful tool in the hands of homo sapiens. *Digital Law Journal*, 2(3), 8-22. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-8-22>

* Corresponding author

Dear colleagues, as is well known, there is currently a multitude of ways to define “digital law,” as well as several possibilities pertaining to the notion of “arbitration”. The situation is even more complicated when we try to unite these to notions. Do you think that new technologies have influenced arbitration? In your opinion, is it fair to say that digitalization increases the efficiency of arbitration? Or, conversely, there are some negative consequences of implementation?

A. K.: I would like to draw your attention to the fact that in modern domestic arbitration law the term “arbitration” is understood, first, as the process of resolving disputes by an arbitral tribunal (a panel of arbitrators) and, second, as the making of a decision by the latter. Of course, arbitration as a procedure could not avoid the impact of new technologies, especially in the field of communications and information storage. Meaningful use of “digitalization” contributes to the efficiency of both the arbitration proceedings themselves and their administration by permanent arbitration institutions.

A. G.: I agree with Aleksey Kostin. New technologies certainly enable the use of video conferencing during the COVID-19 pandemic, but also the transition to electronic document management. This should include, for example, the use of e-bundles — case materials formed into special electronic volumes, with which both arbitrators and parties can work simultaneously. Moreover, specialized arbitration institutions have appeared that consider disputes within the framework of commercial transactions carried out on the Internet. This is the so-called online arbitration, which has gained particular popularity in China. Some centres (according to their assurances) are already considering hundreds of thousands of such Internet disputes a year.

Alexander, you have noted some peculiarities of work in the COVID-19 era? Were there any other changes in the work of leading arbitration institutions made during this period?

A. G.: At the very beginning of the pandemic, the provisions of the arbitration rules, which ensured wide discretion of the arbitral tribunal as a result of using video conferencing tools during

hearings, played a positive role in consideration of cases by the Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP). In our experience, in most cases, both parties either asked for remote hearings themselves or gladly agreed to the relevant proposals of the arbitrators. But even where one of the parties could object to such a format, the arbitrators, taking into account the provisions of the rules, could make an appropriate decision on their own. As a result, in 2020, more than half of the 350 cases were processed using video conferencing systems, the largest number of such cases occurring in the third and fourth quarters of 2020. The staff of the apparatus, when possible, worked remotely. However, this did not in any way affect the timing or the quality of dispute administration, which is also shown by the increased number of cases considered last year.

A. K.: The International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (CCI RF) did not stop working during the pandemic. In addition to the use of the entire range of means to prevent the spread of infection, the use of distant means of communication has expanded during organizational meetings and oral hearings, as well as meetings of collegial bodies such as the Presidium and the Committee for the Appointment of Arbitrators of the ICAC, primarily through video conferencing.

Has the ICA appointment procedure changed as a result of the introduction of digital technology?

A. K.: This aspect of the administration of arbitration has not undergone any significant “mutations” in the international dimension. With regard to the ICAC, as already noted, the meetings of the nominating committees were held in absentia, if necessary, and the President of the ICAC, in urgent cases, began to use more often the delegated powers of the appointing body that he had.

A. G.: The procedure for appointing arbitrators was carried out in strict accordance with the rules and has not undergone any changes. It is gratifying to note that foreign arbitrators also participated in several international disputes considered by the center in 2020, which, again, during the border closure period, became possible owing to the use of video conferencing systems.

As we know, ensuring confidentiality is one of the main advantages of dispute resolution in arbitration. Does the use of electronic technologies create problems of data leakage and digital security when storing documents, providing evidence, and communicating with parties to arbitration?

A. K.: One cannot but agree that the use of digital technologies often raises reasonable doubts about the preservation of the principle of confidentiality, which is considered one of the attractive features of commercial arbitration. Of course, the parties are free to limit or refuse it if necessary, but unauthorized intrusion into private proceedings is not allowed, which implies the need to develop and use appropriate means of protection against hackers.

A. G.: Long before the pandemic, the center was faced with the question of how to ensure confidentiality in the case of remote hearings. Unlike many foreign centers, in which hearings are carried out using available public systems like Zoom, the Arbitration Center under the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs opted for the Russian-developed Mind system, which is unusual in that it is hosted on servers located directly in the premises of the arbitration center, which is an

additional guarantee of confidentiality. Nowadays, when cyberattacks reach an unimaginable scale, it is, of course, impossible to insure against them for 100 %. But it should be understood that in an ordinary “face-to-face” dispute there is a risk of information leakage, since in addition to the aforementioned risks, there is always the process of interaction of the parties and their legal representatives with the case materials aside from the arbitration institution and arbitrators. Unfortunately, Russian law firms still pay insufficient attention to cybersecurity issues.

How can the parties formalize their agreement on the use of information technology in the course of dispute resolution? Is it necessary to obtain the consent of the arbitrator?

A. K.: It seems that the main thing in this story is the agreement by all parties involved in the arbitration proceedings (primarily arbitrators and parties, as well as, where necessary, arbitration institutions) on information technologies that are equally accessible to all and will be used. Such an agreement between the parties alone is unlikely to create the desired effect. This agreement does not require any special formalization.

A. G.: Of course, if such an agreement is reached by the parties during the proceedings, its content should be discussed with the arbitral tribunal, but it is unlikely that the arbitrators will find it necessary to object to the rational agreement of the parties. If such an agreement is reached before the procedure starts and its conditions do not contradict the mandatory rules contained in the regulations and the applicable law, there should be no special problems with the fulfillment of its conditions. A large number of arbitration agreements, which ensure exclusively virtual oral hearings are being concluded around the world. During the period of the pandemic, the parties have appreciated the cost-effectiveness of this option.

What are the main problems with obtaining electronic evidence in international commercial arbitration from your point of view? Are there any difficulties in obtaining such evidence?

A. G.: In my opinion, electronic evidence is a much more reliable source of information than paper evidence. It is known that any electronic document has metadata that allows you to establish additional information about its origin, change, and movement. In addition, in the case of electronic document management, such as e-mail messaging, documents leave a digital footprint, since any message other than the user’s computer passes through the outbound and inbound mail servers. Technologies have been developed throughout the world for working with such evidence, as well as detailed protocols, such as the one that is regularly prepared in the United States within the framework of the so-called Sedona conference. However, there is still the problem of a shortage of specialists in this area in Russia. Suffice it to say that every serious American law firm has a special department called E-discovery. I have not yet heard of the existence of such departments in any Russian law firms.

A. K.: The main thing here is verification: that is, how the authenticity of the information that was sent in the form of electronic documents will be confirmed. As a rule, in the absence of a mechanism for the use of an electronic signature, it is very likely that in some cases it will be necessary to request originals of documents or their duly certified copies.

Can evidence obtained from websites prohibited by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media or from the Darknet be qualified as evidence obtained illegally? In particular, what do you think of the evidence from WikiLeaks, an international non-profit organization that publishes classified information taken from anonymous sources, or when this information is leaked?

A. K.: According to the Law of the Russian Federation “On International Commercial Arbitration” (Article 19(2)), the arbitral tribunal is empowered to determine the admissibility, relevance, materiality, and weight of any evidence. It is difficult for me to imagine that information from prohibited sites would be relevant in cases of commercial arbitration; in any case, these issues should be resolved under the national law of the seat of arbitration.

A. G.: It is impossible not to agree with this point of view. Moreover, there is a significant advantage of arbitration, since the arbitrator, unlike a state judge, is not bound by strict national rules of evidence. At the same time, the arbitrators try to take into account the provisions of the law applicable to these issues. From a legal point of view, these situations are very difficult, since in modern international commercial arbitration the tribunal is mainly bound by the obligation to make enforceable decisions. Therefore, very often we are talking about the national legislation of the states, whose nationality the parties to the dispute possess. Indeed, such a situation will be rather exotic in commercial arbitration, but in investment arbitration, such cases have already been met. For example, in the famous *ConocoPhillips v. Venezuela* case, the respondent State requested the tribunal to reconsider part of the decision on jurisdiction and the merits of the dispute, since new evidence had been published by WikiLeaks before the completion of the proceedings regarding the determination of the amount of compensation awarded. The majority of the Tribunal’s members concluded that the revision of the decision was undesirable, taking into account the principle of *res judicata*. At the same time, it is known that in this case there was a dissenting opinion from one of the arbitrators, who considered the evidence from WikiLeaks credible. An essential factor in such cases is an indication of who specifically received this or that evidence — the party itself or a third party.

Do you share the view that the use of online technologies complicates the possibility of interrogating witnesses and preventing them from exercising the right to be heard, since an online hearing is not able to convey the full range of emotions of the participants in the process, and does not exclude following the instructions of third parties?

A. K.: I, like many experts in the field of MCA, share this view. A detailed argumentation on this issue is presented in the publication by English lawyer Khawar Qureshi QC “A leap towards digital court hearings must deal with all their limitations” in *The Times* on May 27, 2021. In reputable arbitration institutions, work is underway to improve regulatory requirements and create the technical conditions necessary to, if not completely eliminate, then at least significantly reduce the risks that are indicated in your question. In the practice of the ICAC, the issue of proper identification of persons acting as witnesses is also relevant.

A. G.: Before the outbreak of the pandemic, I myself was opposed to the use of virtual technologies for interrogating witnesses, since it is known that a significant part of the information is transmitted during interrogation non-verbally. However, after having gained experience in cross-examination

with videoconferencing systems as a representative, I can say that this procedure has its advantages — it allows you to concentrate much more on the witness and his reaction. If I may put it that way, the opposing party is forced to sit “on the other side of the ramp”. In addition, you need to understand that the degree of drama in international commercial arbitration is sometimes artificially heated: after all, this is not a criminal process — we are talking about commercial and business relations between the parties, and the nuances of the behavior of witnesses play a secondary role here.

Do you think online dispute resolution can democratize the justice system, in particular the ICA system, making it more accessible and less financially burdensome? Or, on the contrary, the use of advanced technologies in the resolution of disputes, with its primary goal of providing greater comfort to its participants, will significantly increase the costs of considering the case?

A. K.: I am not sure if there is a direct link between online dispute resolution and democratization. From the point of view of the size of state duties in domestic legal proceedings, they are extremely democratic and therefore extremely busy. “Electronic justice” in the arbitrazh courts of Russia is to a certain extent present. New digital technologies here are designed to speed up existing procedures and overcome the obstacles caused by the pandemic. International commercial arbitration involves a substantially higher level of costs, which can sometimes become a barrier to the initiation of arbitration. At the same time, I cannot help noting that the arbitration fees in the ICAC at the RF CCI are several times lower than in similar arbitration centers in Vienna, London, Paris and Stockholm. It would be irrational and unfair to assume that the development and implementation of new technologies in the ICA field will increase the financial burden of arbitration users.

A. G.: It is difficult to answer this question unambiguously. Some participants in the proceedings, which were held according to the rules of our center, noted a positive effect in the form of savings in travel expenses for their lawyers. However, in foreign arbitration, a large item of expenses has been made up of the costs of technical specialists providing virtual support. To some extent, these costs are comparable to the costs of organizing face-to-face proceedings.

In the previous issue of our journal, UN Secretary-General António Guterres mentioned the problem of the digital divide. In your opinion, is there a digital divide in the ICA sphere — for instance, in the form of unequal access to technology among the parties to the dispute and arbitrators?

A. K.: It is difficult to disagree with the UN Secretary-General on this issue. In essence, we are talking about the actual inequality of access to advanced technologies. This circumstance may lead to a violation of the imperative principle of equal treatment of the parties prevailing in the ICA. Consequently, in specific arbitral proceedings, arbitrators must ensure that procedures and technologies are acceptable to all parties to avoid annulment or non-enforcement of awards.

A. G.: It should be understood that the digital divide does exist. For example, in terms of the development of information and communication technologies, Russia is only in 46th place in the UN world index. However, I am glad that the quality of the Internet connection in Russia is much better and at the same time cheaper than in many, even European, countries. Arbitrators indeed play a decisive role in upholding the principle of equality in the field of arbitration, who must tirelessly monitor a party’s ability to exercise the right to be heard.

Does digitalization imply, in your opinion, ICA delocalization?

A. K.: It is obvious that digitalization works for the existing and developing concept of ICA delocalization. In this regard, one cannot fail to notice that the category of “place of arbitration” now appears not in the form of its physical location, but in a contractual or statutory structure that links a particular proceeding with the legal system of a particular country. I think that the need for such a connection will not be lost in the foreseeable future.

A. G.: It seems that the parties to commercial contracts in the future will pay much more attention to the deliberate choice of law applicable to the arbitration procedure, as well as to the choice of the competent authority, without linking these concepts exclusively with the place of arbitration. Accordingly, over time, the implied choice of applicable law, in my opinion, can be much more often found in the law applicable to the main contract due to the existence of a relevant clause. However, in my opinion, there can be no question of complete delocalization.

Does a “digital arbitrator” have a future, or is it only humans who are capable of resolving disputes?

A. G.: As we know, a large number of disputes among users of sites such as eBay and Alibaba are already being resolved using special computer algorithms. This makes the process cheaper and faster. However, the “digital arbitrators” are not yet capable of considering truly complex legal relations, which are commercial disputes with a foreign element. Nevertheless, I am almost sure that the corresponding technologies will help them in the future to understand the “higher mathematics” of jurisprudence — Private International Law. I dare only hope that this wonderful era will not begin with us.

A. K.: If we treat “digital arbitration” as a useful tool in the hands of *homo sapiens*, then a bright future awaits him.

Information about the authors:

Alexey A. Kostin — Ph. D. in Law, Professor, Head of the Department of Private International and Civil Law, MGIMO University, President of the International Commercial Arbitration Court and the Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-6991-4084

Alexander V. Grebelsky* — Ph. D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, MGIMO University, Chairman of the Panel for International Disputes at the Arbitration Centre at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), Moscow, Russia.
grebelsky_a_v@mgimo.ru
ORCID 0000-0003-1301-3727

ESSAYS

INTERNET COURT ON SOLVING ONLINE CONSUMER CONTRACT DISPUTES: CASE OF CHINA

Jianing Sang

University of Fribourg
20 Av. de l'Europe, Fribourg, Switzerland, 1700

Abstract

The COVID-19 pandemic has deeply influenced people's way of life. The need to comply with various social restrictions has posed new and previously unknown challenges to humanity. Internet here plays a significant role in helping to maintain people's life as usual. As online behavior increases, many disputes arise therefrom grow simultaneously. It is proposed that international online disputes would be solved effectively if Internet technologies were referred to and adopted. Therefore, online litigation, a judicial method specially established to solve online disputes, provides an ideal alternative to the traditional litigation process in this regard. Such litigation can be operated through Internet courts (or cyber courts).

Today the palm in their establishment belongs to China that has successfully introduce the world's first three, and only, Internet courts. Thus, the Chinese experience has been chosen as the primary empirical support of the study on Internet courts.

In this essay, a detailed review of the online litigation process will be analyzed using the example of the adopted rules and regulations for resolving disputes, as well as the judgements handed down by the Hangzhou Internet Court, the world's first cyber court successfully resolving multiple online disputes over four years. The essay firstly reviews the current rules and procedures of Hangzhou Internet court; this would serve for a better understanding of how the world's first Internet court is operated. After that, the essay discusses in what circumstances foreign courts can recognize and enforce Internet courts' judgments. The essay ends up with giving personal recommendations on the future development of Internet courts to solve online consumer contract disputes.

Keywords

online consumer contract disputes, online dispute resolution (ODR), Hangzhou Internet court, online trial process, online enforcement

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The study is sponsored by the China Scholarship Council (CSC).

Acknowledgments

The author would like to express big and special thanks to Prof. Dr. Walter A. Stoffel, the supervisor of the author's Ph. D. study, for his invaluable assistance to author's research in Switzerland.

For citation

Sang, J. (2021). Internet court on solving online consumer contract disputes: Case of China. *Digital Law Journal*, 2(3), 23–45. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-23-45>

Submitted: 5 Sept. 2021; accepted: 27 Sept. 2021; published: 30 Sept. 2021

ЭССЕ

РАЗРЕШЕНИЕ ОНЛАЙН СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ОПЫТ КИТАЯ

Цзяньин Сан

Университет Фрибура
1700, Швейцария, Фрибург, Авеню дё л'Ороп 20

Аннотация

Пандемия COVID-19 самым серьезным образом повлияла на обычное течение общественной жизни и породила новые ранее неизвестные вызовы, связанные с увеличением объема отношений в онлайн среде. Увеличение числа международных онлайн-споров вызывает необходимость применения Интернет-технологий. Судебный процесс онлайн — процедура, специально разработанная для разрешения споров, вытекающих из отношений в цифровой среде — представляет собой идеальную альтернативу традиционному судебному процессу. Такой порядок рассмотрения споров может осуществляться посредством создания специальных Интернет-судов (кибер-судов).

На сегодняшний день пальма первенства в учреждении Интернет-судов принадлежит Китаю. Поэтому китайский опыт избирается основной эмпирической опорой исследования.

В эссе анализируется порядок разрешения споров онлайн на примере принятого регламента и судебных решений Интернет-суда г. Ханчжоу, вынесенных за последние годы. Особое внимание уделяется обстоятельствам, при которых онлайн-судебное решение может быть признано и приведено в исполнение судебными органами иных государств. В заключение представлены рекомендации автора по дальнейшему развитию Интернет-судов для разрешения споров, возникающих из договоров с участием потребителей в цифровом пространстве.

Ключевые слова

онлайн договоры с участием потребителей, онлайн-урегулирование споров (ODR), Интернет суд Ханчжоу, судебное разбирательство онлайн, исполнение судебных актов онлайн

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование проводилось при спонсорской поддержке Китайского совета по стипендиям (CSC).

Благодарность

Автор выражает особую благодарность профессору, доктору Вальтеру А. Штоффелю, научному руководителю автора при подготовке диссертации, за неоценимую помощь в ходе написания исследования в Швейцарии.

Для цитирования

Сан, Ц. (2021). Разрешение онлайн споров с участием потребителей: опыт Китая. *Цифровое право*, 2(3), 23–45. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-23-45>

Поступила: 05.09.2021, принята в печать: 27.09.2021, опубликована: 30.09.2020

Introduction

Online shopping is closely linked with almost everyone globally; people are getting used to purchasing goods and achieving services through Internet, a more efficient and convenient approach for business or household use.

More than 90 % of Chinese people would probably give the same answer when being asked which website they most frequently choose to purchase from, and that answer would doubtless be Taobao and Tmall. These two websites belong to the well-known Alibaba Group, though they operate different types of electronic commerce.¹ Take 2020, for instance, Alibaba's Single's Day Sales on November 11 totaled a record \$ 74.1 billion (¥ 498.2 billion) gross merchandise volume, an increase of 26 % over 2019.² Accompanied by the rapid development of online shopping, disputes arising therefrom increase as well.

Traditionally, dispute resolution for a consumer contract is a domestic law issue due to the low involvement of foreign elements. Two solutions take effect in parallel and are mutually complementary based on their nature and characteristics. These solutions are the judicial approach of litigation and Alternative Dispute Resolution (ADR).

With the high involvement of the Internet in consumer transactions, online consumer contract disputes increase. Online consumer contract disputes can be solved through a litigation process and Online Dispute Resolution (ODR). A litigation process can proceed both online and offline. Online litigation can provide both online consumers and online sellers a higher level of efficiency and convenience to solve their contractual disputes compared with the offline litigation process. This online service is provided by the Internet court.

The headquarter of Alibaba Group locates in Hangzhou, Zhejiang Province, a city that combines the beauty of modernity and ancience in the south of Yangtze River. According to the statistics published by the Supreme People's Court in 2018, more than 70 % of online consumer contract disputes involve either Taobao or Tmall.³ Online consumer contract transactions face the challenge of virtuality, intelligence, high-speed, and so forth, which requires the disputes arising thereof need to be solved with high efficiency but without hampering justice. Traditional courts could help to realize justice. However, contracting parties, especially the consumer, may bear the burden of the long and complicated litigation procedure, which is both time and money-consuming. In consideration

¹ On *Taobao*, the barriers for entry of the seller are less restrict than those on *Tmall*, therefore the *Taobao* is preferable by individual sellers, whereas medium and large sized enterprises are registered on *Tmall*. In consideration of this, *Taobao* is a typical C2C website while *Tmall* mainly serves for B2C business.

² On "Single Days" (Nov. 11), in order to entice customers, the retailers on Tmall, Taobao and other online shopping platforms will offer their goods at a discount. Business-wire. (n.a.). *Alibaba Generates RMB498.2 Billion (US \$ 74.1 Billion) in GMV During the 2020 11.11 Global Shopping Festival*. <https://www.businesswire.com/news/home/20201111005881/en/Alibaba-Generates-RMB498.2-Billion-US74.1-Billion-in-GMV-During-the-2020-11.11-Global-Shopping-Festival>

³ China Justice Big Data Institute. *Judicial big data special report: Online consumer contract dispute, figure 6*. <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-119911.html>

of the reasons above, an idea to adjust the current judicial system was proposed. It was first launched in practice in Hangzhou, where such a solution is more urgently needed.

Internet Court

Internet Court and ODR

When it comes to the Internet age, if a contract is concluded online, and that cyber deal goes sour, perhaps the online community itself can best resolve it.⁴ ODR, which is known as “Online Dispute Resolution”, was proposed to apply for solving online disputes in addition to the traditional judicial litigation process. Definition of ODR could be illustrated both narrowly and broadly. In the first sense, ODR is defined as an alternative dispute resolution that operates online, that is, an online alternative dispute resolution. The *American Bar Association Task Force on E-Commerce and Alternative Dispute Resolution* (the ABA Task Force) proposed workable regimes for online transactions and ODR. According to their *Final Recommendations and Report*, ODR is defined as:

“A broad term that encompasses many forms of alternative dispute resolution (“ADR”) that incorporate the use of the Internet, websites, e-mail communications, streaming media, and other information technology as part of the dispute resolution process. Parties may never meet face to face when participating in ODR. Rather, they might communicate solely online.”⁵

The EU treats ODR as “alternative dispute resolution (ADR) transferred to the online environment”.⁶ Even though ODR is often regarded as an online ADR, I would say that this perception is too narrow to achieve a thorough and clear understanding of ODR.

In practice, Internet court operation is not isolated from other online alternative methods, namely, online negotiation, online mediation, and online arbitration. These alternative methods are often asked to be applied before the last step of the online judicial solution. This requirement is in consideration of the commonality that both Internet court and online alternative methods share. Just as the EU admitted, the public justice system – courts and judges, when being transformed into online Internet courts, should be the most satisfactory long-term solution to dispute resolution online and in cross-border consumer disputes.⁷ The technology assisted in ODR can be either stand-alone or connected with an official body, such as a court.

An Overview of Internet Court

Though it has not been generally accepted that Internet court, is an ODR method. The Internet court has already been adopted in practice and has provided some successful experiences. It is a dispute resolution method, no matter being deemed an extension of court procedure from offline to online, or to be regarded as an independent ODR method that could effectively help solve disputes over online consumer contracts.

⁴ Martin, M. S. (2002). Keep it online: The Hague convention and the need for online alternative dispute resolution in international business-to-consumer ecommerce. *Boston University International Law Journal*, 20, 150.

⁵ American bar association task force on e-Commerce and alternative dispute resolution. (2002). Addressing disputes in electronic commerce-Final report and recommendations. *The Business Lawyer*. 58(1), 419.

⁶ Edwards, L., Wilson, C. *Redress & alternative dispute resolution in cross-Border e-Commerce transactions*. Briefing note. IP/A/IMCO/NT/2006-206. Directorate-General for Internal Policies of the Union. <https://www.europarl.europa.eu/docu-ment/activities/cont/201406/20140602ATT84796/20140602ATT84796EN.pdf>

⁷ Ibid, 9.

The first Internet court in China was launched in Hangzhou, Zhejiang Province, on August 18, 2017. One month later, the Beijing Internet Court and the Guangzhou Internet Court were also established, these three Internet Courts constitute the current Chinese Internet Court system. According to the statistics published by the Supreme People's Court (June 18, 2021), from 1 January 2020 to 31 May 2021, 12.19 million cases were filed online, accounting for 28.3 % of the total number of the cases filed; 1.28 million online hearings were conducted, taking an average of 42.34 minutes for each hearing; as for court-referred mediation, 6.51 million cases were mediated online and 6.14 million cases were successfully mediated in the pre-trial.⁸ In this paper, illustrations are mainly given from Hangzhou Internet Court, with its operational Litigation Platform of Hangzhou Internet Court.⁹ Since it is the first Internet court litigation platform established in China, more detailed rules and cases could be found compared with the other two more recent Internet courts. Therefore, this article would mainly refer to the Hangzhou Internet Court for further discussions.

Hangzhou Internet Court

General Information

According to the statistics published by Hangzhou Internet Litigation Platform, it has received more than 11 600 cases ever since its establishment. In 99.06 % of the cases, the judgments were accepted by litigants. Rather than existing in a virtual, isolated way, the Hangzhou Internet Court is closely linked with the real world and the judicial system hereinto. To build up the connection between cyberspace and the actual physical world, the Hangzhou Litigation Platform works as the bridge in between. For instance, during the process of case categorization, this litigation platform takes charge of the case distribution upon acceptance of the case submitted by the Case-filing Division of the Internet Court, with the help of the Information Management System of the People's Court of Zhejiang Province, in which all case-related electronic files will be stored.¹⁰

Besides substantive functions, this litigation platform also helps the Internet court and the litigants stay in touch. For instance, upon successful acceptance of the case by the platform, the plaintiff and the defendant can browse the litigation documents such as the notice of the acceptance of the case or the notice of the response to lawsuits, the notice of evidence submission, the notice of rights and duties.¹¹

⁸ The supreme people's court of the PRC, *The SPC releases the rules of online litigation of people's court*. http://english.court.gov.cn/2021-06/18/content_37545136.htm

⁹ Hangzhou Internet Court. (n.d.). Retrieved September 13, 2020, from <https://www.netcourt.gov.cn/portal/main/domain/index.htm>. In addition to the website provides, parties could also use the mini program of Hangzhou Litigation Platform through the application of WeChat on the phone. While so far, the mini program only supports the litigation brought about by natural person.

¹⁰ Article 14 of the *trial procedure of the Litigation Platform of Hangzhou Internet Court* ("Trial Procedure"): "The case-filing division of Internet Court will put the case-related electronic files into the information management system of the people's court of zhejiang province on the day when the court accepts the case, and synchronously put them into the Litigation Platform online. The litigation platform distributes the case to the judge on the day when it accepts the case." Hangzhou Hulianwang Fayuan Susong Pingtai Shenli Guicheng (杭州互联网法院诉讼平台审理规程) [Trial procedure of the litigation platform of Hangzhou Internet Court] (promulgated by the Hangzhou Internet Court, May. 31, 2018), <https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?filedStr=EyGmDRYbBzklQqHCx7oAHQ> (China).

¹¹ *Supra*, n. 10, Article 12.

Before we go further into the specific procedural operation of Hangzhou Internet Court, it should be noted that, although it is called an Internet Court, it is still not an isolated court that merely exists online. According to the *Organic Law of the People's Republic of China*, courts in China could be classified into three types: The Supreme People's Court, the Local People's Court, and the Special People's Court. On the local level, courts could be divided into the High People's Court, the Intermediate People's Court, and the Basic People's Court. Even though Internet courts hear cases that with a special characteristic, their establishment has no legal basis such as the establishment decision made by the Standing Committee of the People's Congress. Therefore, the establishment of Internet courts does not meet the requirements of the law, Internet courts are not listed as Special People's Courts.¹² Internet courts are at the level of Basic People's Courts, they specifically have centralized jurisdiction over Internet cases that fall within the cities' jurisdiction where these Internet courts locate.

Legislation over Internet Court

A clear sign that Internet court is treated as an independent online dispute resolution is that the court is regulated under specific legislation. The legal basis that governs the operation of these three Internet Courts are:

1. *Rules of Online Litigation of the People's Court of China* ("Online Litigation Rules"). It is a recently established Supreme People's Court judicial interpretation, aims at regulating the online litigation process regarding the legal validity, basic principles, applicable scope, and applicable conditions of online litigation.¹³

2. The *Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Trial of Cases by Internet Courts* ("Judicial Interpretation of Internet Courts").¹⁴ It was specifically established in terms of online disputes and Internet courts. Different from the *Online Litigation Rules*, this judicial interpretation emphasizes, more precisely, the online litigation process of the three Internet courts.

3. The *Civil Procedure Law of the People's Republic of China* ("the Civil Procedure Law")¹⁵ It provides general procedural rules in the situation where no detailed regulations could be found from the *Judicial Interpretation of Internet Courts*.

4. *Interpretations of the Supreme People's Court on the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China* ("Interpretation of Civil Procedure Law").¹⁶

¹² Article 15, *Zhonghua Renmin Gongheguo Renmin Fyuan Zuzhi Fa* (中华人民共和国人民法院组织法) [Organic law of the People's Republic of China] (promulgated by the Standing Comm. Nat'l People's Cong., Jul. 01, 1979, last modified Oct. 26, 2018, effective Jan. 1, 2019), http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-10/26/content_2064483.htm (China).

¹³ Renmin Fayuan Zaixian Susong Guize, Fashi [2021] Shier Hao (人民法院在线诉讼规则, 法释【2021】12号) [Rules of online litigation of the people's court of China, Judicial Interpretation No. 12 [2021]] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., May. 18, 2021, effective Aug. 01, 2021), <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-309551.html> (China).

¹⁴ Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Hulianwang Fayuan Shenli Anjian Ruogan Wenti De Guiding, Fashi [2018] Shiliao Hao (最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定, 法释【2018】16号) [Supreme people's court on several issues concerning the trial of cases by Internet courts, Judicial Interpretation No. 16 [2018]] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Sep. 3, 2018, effective Sep. 7, 2018), <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html> (China).

¹⁵ *Zhonghua Renmin Gongheguo Minshi Susong Fa* (中华人民共和国民事诉讼法) [Civil procedure law of the people's Republic of China] (promulgated by the Standing Comm. Nat'l People's Cong., Apr. 9, 1991, effective Apr. 9, 1991, last modified Jun. 27, 2017), http://www.moj.gov.cn/Department/content/2018-12/25/357_182594.html (China).

¹⁶ Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Shiyong <Zhonghua Renmin Gongheguo Minshi Susong Fa> De Jieshi, Fashi [2015] Wu Hao, (最高人民法院关于适用《中华人民共和国民事诉讼法》的解释, 法释【2015】5号) [Interpretations of the Supreme People's court on the application of the civil procedure law of the People's Republic of China, Judicial Interpretation No. 5 [2015]] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Dec. 18, 2014, effective Feb. 4, 2015), Sup. People's Ct. Gaz, Jan. 30, 2015. <http://gongbao.court.gov.cn/Details/63ff48da6a9792f8ad1cb65a8b99d1.html> (China).

5. The *Cyber Security Law of the People's Republic of China* (“Cyber Security Law”).¹⁷

In addition to aforesaid laws, each Internet Court has established its own procedural rules.¹⁸ For instance, on the official website of Hangzhou Internet Court, the following litigation documents could be accessed: the *Outline of Online Court Trial* (“Simplified Procedure”)¹⁹, *Guidelines Regarding the Litigation and Jurisdiction of Internet-involved Cases* (“Jurisdiction Guideline”)²⁰; *Online Trial Norms of Hangzhou Internet Court*²¹; *Notice Regarding the Parties' Rights and Duties and The Trial Procedure of the Litigation Platform of Hangzhou Internet Court*²²; *Trial Procedure*²³. All these will be the basis for the upcoming illustration as to the operation procedure of Hangzhou Internet Court.

Jurisdiction

According to article 2 of the *Judicial Interpretation of Internet Courts*, the Internet courts in Beijing, Guangzhou, and Hangzhou shall have *centralized jurisdiction* over the following cases that the basic people's courts shall accept within the jurisdiction in their respective cities as courts of the first instance:

1. Disputes arising from the signing or performance of online shopping contracts through e-commerce platforms.
2. Disputes over the network service contracts, which are both signed and performed on the Internet.
3. Disputes over the financial loan contracts or small loan contracts which are both signed and performed on the Internet.
4. Disputes over the ownership of the copyrights or neighboring rights of the works published on the Internet for the first time.
5. Disputes arising from infringements upon the copyrights or neighboring rights of the works published or disseminated online through the Internet.
6. Disputes over Internet domain name ownership, infringements, and contracts.

¹⁷ Zhonghua Renmin Gongheguo Wangluo Anquan Fa (中华人民共和国网络安全法) [Cyber security law of the people's Republic of China] (promulgated by the Standing Comm. Nat'l People's Cong., Nov. 07, 2016, effective Jun. 01, 2017), Standing Comm. Nat'l People's Cong. Gaz. 899 (China).

¹⁸ Specific rules concerning trial procedure of Beijing Internet Court (Beijing Internet Court. (n.d.). Guideline on trial procedure. Retrieved September 13, 2021, from <https://www.bjinternetcourt.gov.cn/cgi/PreActionfindAllMore.htm?cid=1023>). For Guangzhou Internet Court (Guangzhou Internet Court. Guideline on trial procedure. Retrieved September 13, 2021, from <https://ols.gzinternetcourt.gov.cn/portal/main/domain/lassen.htm#lassen/guangzhou/litigationDocuments>).

¹⁹ Hangzhou Hulianwang Fayuan Wangshang Tingshen Tigang (杭州互联网法院网上庭审提纲) [The outline of online court trial] (promulgated by the Hangzhou Internet Court, May 31, 2018), <https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=Jyy6J9MzXT1qrGvqsZl-2g> (China).

²⁰ Hangzhou Hulianwang Fayuan Guanxia Zhiyin (杭州互联网法院管辖指引) [Hangzhou Internet Court's guidelines regarding the litigation and jurisdiction of Internet-involved cases] (promulgated by the Hangzhou Internet Court, May 31, 2018), <https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=qIHvqglAbUzTbImtgxCDPg> (China).

²¹ Hangzhou Hulianwang Fayuan Wangshang Tingshen Guifan (杭州互联网法院网上庭审规范) [Online trial norms of Hangzhou Internet Court] (promulgated by the Hangzhou Internet Court, May 31, 2018), <https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=W6gvwJ4pHKkk-NG8memd8w> (China).

²² Hangzhou Hulianwang Fayuan Dangshiren Quanli Yiwu Gaozhishu (杭州互联网法院当事人权利义务告知书) [Notice regarding the parties' rights and duties and the trial procedure of the Litigation Platform of Hangzhou Internet Court] (promulgated by the Hangzhou Internet Court, May 31, 2018), https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=GF4xuySAVK96BwS_J00IRA (China).

²³ *Supra*, n. 10.

7. Disputes arising from infringements upon others' personal rights, property rights, and other civil rights and interests on the Internet.

8. Product liability disputes arising from the infringements upon others' personal and property rights and interests by the products purchased through e-commerce platforms due to product defects.

9. Internet public interest litigation cases filed by procuratorial organs.

10. Administrative disputes arising from the administrative actions taken by administrative organs, such as Internet information service management, Internet commodity trading, and related service management.

11. Other Internet civil and administrative cases the jurisdiction over which is designated by the people's court at higher levels.

More specifically, they could be classified into the following types of disputes. This essay here would separately illustrate each type of them in detail.

Online Shopping Disputes

According to the *Jurisdiction Guideline*, online shopping disputes refer to contract disputes arising from online shopping: seller displays its products on the Internet and makes an offer, the buyer searches the information online and accepts the offer, and then the two parties reach an agreement and thereby form a contract of sale. Their dispute arises out of the *signing* or the *performance* of the contract.²⁴

Disputes over Internet service contracts also belong to online shopping disputes with the contract's object to be the service rather than the product. In this case, disputes arise from the signing or performance of Internet service contracts. An Internet Service Provider (ISP) offers its customers access to the Internet, or an Internet Content Provider (ICP) provides information on the Internet.²⁵

Besides, product liability disputes arising from online shopping are also governed by the Hangzhou Internet Court. After the producers, sellers of the product produce and sell the defective products, the consumers suffer a personal injury, property damage. Consequently, the disputes arising from the liability of the producers and/or sellers.²⁶

It should be noted here that the online shopping contract does not equal the online consumer contract. The latter one has strict requirements on the party of the consumer and the seller. To be regarded as the consumer, he shall be a natural person who is both the buyer and the end-user of the product purchased, with the only intention to fulfill personal or household use. Whereas for the seller, either to be a natural or a legal person, he shall conduct business behavior that falls within his trade, business, and profession. These have led to a clear distinction between online shopping contracts and online consumer contracts, which is the protection over the consumer. Only when the buyer could be regarded as the consumer could he be entitled to special protection from the law.

Small Amount Financial Loan Contract

It refers to disputes arising from the fact that the borrower, who had signed and performed the financial loan contract with the financial institution all through the Internet, failed to repay the financial institution the principal and interest on schedule. Disputes arising from the fact that the borrower, who had reached the small loan agreement with the financial institution or small loan

²⁴ Supra, n. 20, Article 2.1.

²⁵ Supra, n. 20, Article 2.2.

²⁶ Supra, n. 20, Article 2.4.

company, failed to repay them the principal and interest on schedule; the loan amount in the small loan contract is 500,000 Chinese yuan or less.²⁷

Internet Copyright Disputes

Disputes arising from the Internet copyright ownership of infringement refers to disputes arising from the ownership, infringement of the Internet works (works created in digital form, and published for the first time on the Internet, such as novels, movies, games, but not including computer software program), and disputes arising from the infringement of information network transmission rights of non-Internet works.²⁸

On August 20, 2018, in the *Peppa Pig Case*²⁹, the Hangzhou Internet Court sentenced two Chinese companies: Jufan Limited and Jiale Toys Industrial, to pay \$ 22 000 to Peppa Pig rights holders Entertainment One UK Limited and Astley Baker David Limited for copyright infringement, and to stop producing and selling a product with the image of Peppa Pig on it. This case shows respect for equal protection of Intellectual Property. It proves that the Hangzhou Internet Court can trial cases with foreign elements involved, just as empowered by law.

Internet Domain Name Disputes

This type of dispute refers to those arising from Internet domain name contracts, Internet domain name ownership, and infringement, including disputes arising from Internet domain name registration contracts, Internet domain name transfer contracts, Internet domain name license agreements, Internet domain name ownership, Internet domain name infringement.³⁰

Infringement of Personal Rights

This type of case refers to disputes arising from the Internet's use to infringe another person's right to reputation, another person's right to privacy and/or personal information.³¹

First Instance Administrative Cases

Cases caused by Internet administration refer to the administrative litigation cases of the first instance arising from the administrative management of the relevant administrative law enforcement departments, which implement the *Cyber Security Law* and any other laws.³²

Centralized jurisdiction over Internet cases

As indicated at the beginning of this section, Internet courts are at the level of Basic People's Courts, they exercise centralized jurisdiction over Internet cases that fall within the jurisdiction

²⁷ Supra, n. 20, Article 2.3.

²⁸ Supra, n. 20, Article 2.5.

²⁹ Aisilibeiike Daiweisi Youxian Gongsi, Yvleyi Yingguo Youxian Gongsi Su Shantou Shi Jufan Dianzi Shangwu Youxian Gongsi, Shantou Shi Jiale Wanju Shiye Youxian Gongsi, Zhejiang Taobao Wangluo Youxian Gongsi Zhuzuoquan Qinquan Jiufen An (艾斯利贝克戴维斯有限公司、娱乐壹英国有限公司诉汕头市聚凡电子商务有限公司、汕头市嘉乐玩具实业有限公司、浙江淘宝网络有限公司著作权侵权纠纷案) [Astley Baker Davies Co., Ltd. & Entertainment One UK Co., Ltd. v. Jufan Electronic Business Co., Ltd. & Shantou Jiale Toy Co., Ltd. & Zhejiang Taobao Network Co., Ltd., A dispute over copyright infringement], Aug. 20, 2018, Hangzhou Internet Court0129, No. 5227, <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=cd9f9a2397244dfeaf91abd600b4996c>.

³⁰ Supra, n. 20, Article 2.6.

³¹ Supra, n. 20, Article 2.7.

³² Supra, n. 20, Article 3.

of the cities where these courts locate. Centralized jurisdiction does not equal to special jurisdiction that Special People's Courts have. Therefore, centralized jurisdiction does not have the effect of exclusivity and priority that special jurisdiction has.

Article 34 of the *Judicial Interpretation of Civil Procedure Law* endows parties to a contractual dispute to designate jurisdiction via a valid choice of court clause unless such a clause violates exclusive jurisdiction. Centralized jurisdiction Internet courts have does not have the effect of exclusivity. When parties of an online consumer contract, for instance, designate the jurisdiction of an offline court via a valid choice of court clause, that offline court shall hear the case rather than an Internet court. Thus, the application of centralized jurisdiction may leave a potential tension between Internet courts and offline courts.

Additionally, based on the classification of online disputes as afore discussed, the only criterion adopted here to distinguish jurisdiction between Internet courts and offline courts is whether the case involves the use of the "Internet". However, the traditional connecting factor, such as domicile, can still be applied to decide the jurisdiction of a contractual dispute (especially consumer domicile in online consumer contract disputes). Offline courts still have jurisdiction to deal with these cases even though they involve the use of the Internet. Meanwhile, the aforementioned illustrations of each type of Internet dispute are rather too descriptive. There lacks a standard to help courts reach a consensus on assessing: 1) whether a dispute involves the use of the Internet or not, and 2) whether the involvement of the Internet has reached a level to make the jurisdiction of an Internet court more suitable than the offline court. Different courts may have different considerations over one dispute, there is a potential risk of "jurisdiction conflicts" between Internet courts and offline courts.

These possible questions triggered by applying "centralized jurisdiction" can be solved by the following solutions. First, clarify the status of centralized jurisdiction, specifically in case of a valid choice of court clause. Second, on explaining what disputes shall be governed by Internet courts, focus shall be given on whether the content of the case involves the use of Internet technology on a level that makes Internet courts more suitable to hear the case than offline courts. Commonly recognized standards are in need to be established, which relies on the review of more new types and difficult Internet disputes.³³

Process Before Trial Initiation and Acceptance of Lawsuit

Initiation of a Lawsuit Online

The initiation process is conducted completely through the Hangzhou Litigation Platform, where the parties shall go through the identity authentication process before the formal initiation of a legal procedure. The identity authentication³⁴ is carried out at the Litigation Platform. It could be

³³ Z. Liu, X. Li (2019), Commentary on the jurisdiction rules of the Internet Court. *Business and Economic Law Review*, 5, p. 130.

³⁴ The identity authentication is of great importance in online litigation, unlike in offline trial procedure, where the parties' identities could be verified through their present. Whereas in online situation, in lack of physical contact, the account registered on the Litigation Platform take the function of identification verification. According to the *Judicial Interpretation of Internet Court*, the account could only be granted once the exclusive identity authentication was finished through: ID verification, biometric recognition, or national unified identity authentication platform. Any behaviors conducted through that account shall be deemed as the action of the verified person, except in the case where system error happens due to technical reasons of the platform, or where the verified person is able to prove that the account has been stolen. (Supra, n. 14, Article 6).

done through online real-name authentication or face recognition. Offline authentication at court is also acceptable.³⁵ Parties could choose their status in litigation according to their demands as to the plaintiff or the defendant, as shown in the figure below:

Figure 1

*Procedure for the plaintiff to follow*³⁶

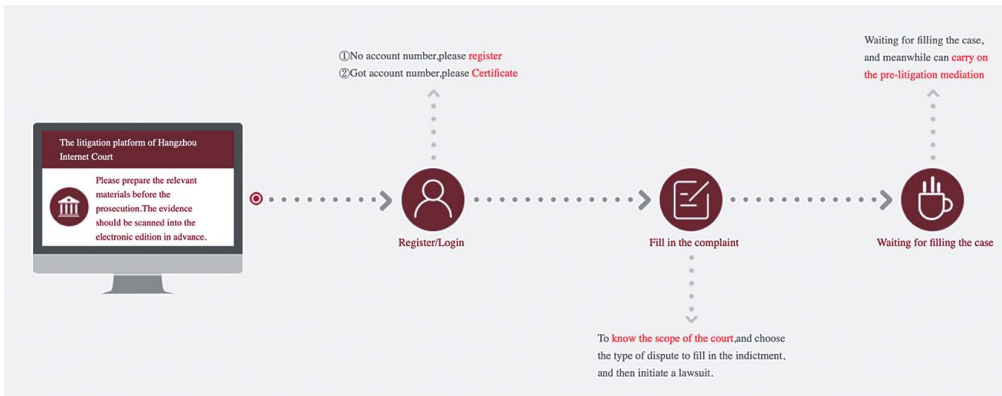
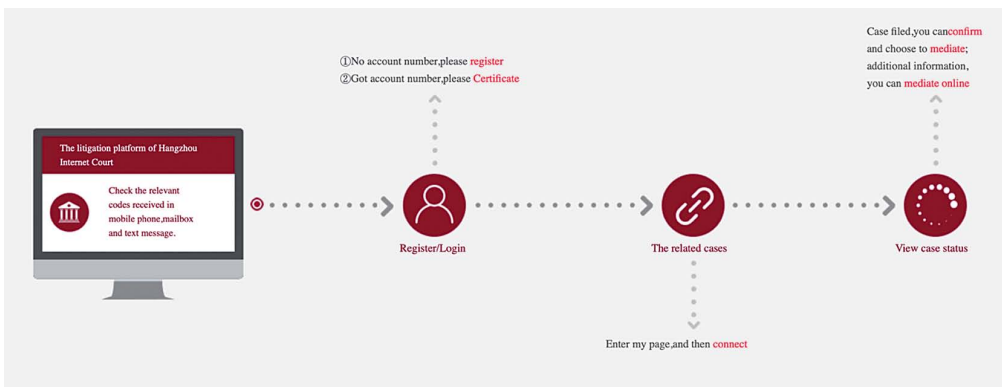

Figure 2

*Procedure for the defendant to follow*³⁷

For the plaintiff, as indicated in figure 1, after completing the registration and logging into the account, he could choose "I am the plaintiff", the type of lawsuit, and the cause of action. Relevant

³⁵ Supra, n. 10, Article 3.

³⁶ Hangzhou Internet Court. (n.d.). Guidelines for litigation. Retrieved September 13, 2021, from <https://www.netcourt.gov.cn/portal/main/domain/index.htm>

³⁷ Ibid.

materials could directly be submitted online.³⁸ Internet disputes have already been classified into eleven types within the jurisdiction of Hangzhou Internet Court. Specific types of disputes could be structurally categorized into specific cases and could be input into the Litigation Platform system as required.³⁹ Therefore, the same type of cases is filed together online, the workload of the Internet court is therefore lightened.

Parties that are entitled to file online litigation are not limited to Chinese citizens or Chinese entities. Foreign natural persons and foreign entities can also initiate an online litigation process. On February 3rd, 2021, the Supreme People's Court enacted the *Several Provisions of the Supreme People's Court on Providing Online Case Docketing Services for Parties to Cross-border Litigation* ("Provisions for Parties to Cross-Border Litigation").⁴⁰ This Provisions provides foreigners, residents of the Hong Kong and Macao Special Administrative Region, residents of the Taiwan region, citizens of the Chinese mainland who habitually reside abroad or in Hong Kong, Macao and Taiwan, and enterprises and organizations registered abroad in Hong Kong, Macao and Taiwan docketing services of online litigation.⁴¹ The only requirements for them to file online litigation in China are:

1. Pass the identity authentication process by providing corresponding identity certification (e.g., passports);⁴²

2. The language used throughout the online litigation shall be the common language of China, materials submitted shall use the common language of China or with a translation provided by a qualified translation company.⁴³

To protect personal data in the process of submitting identity certification and other relevant materials, the *Judicial Interpretation of Internet Courts* requires the Internet court litigation platform shall comply with the *Cyber Security Law* in terms of data use and storage.⁴⁴

Pre-trial online mediation

In consideration of promoting out-of-court dispute resolution to best suit the parties' needs, a mediation process is set up by the Litigation Platform before the litigation procedure. The mediator manager would assign a mediator to the cases submitted for the pre-trial mediation. The mediation process proceeds online, both parties are entitled to input their intention for mediation into the "online mediation" of the Litigation Platform. However, online pre-trial mediation is not limited to the non-face-to-face procedure. In the case where both parties agree to proceed with the online mediation in video or audio form, the mediator will arrange the corresponding procedure for the parties to ensure they can have personal communication and

³⁸ Supra, n. 10, Article 4.

³⁹ Supra, n. 10, Article 5.

⁴⁰ Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Wei Kuajing Susong Dangshiren Tigong Wngshang Li'an Fuwu De Ruogan Guiding (最高人民法院关于为跨境诉讼当事人提供网上立案服务的若干规定) [Several provisions of the supreme people's court on providing online case docketing services for parties to cross-border litigation] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Feb. 03, 2021, effective Feb. 03, 2021), <http://www.court.gov.cn/shenpan-xiangqing-286341.html> (China).

⁴¹ Supra, n. 40, Article 1.

⁴² Supra, n. 40, Article 5.

⁴³ Supra, n. 40, Article 6 and 7.

⁴⁴ Supra, n. 14, Article 5. Detailed regulations regarding data protection and information security, see Chapter 4 of *Cyber Security Law* (Supra, n. 17).

contact.⁴⁵ Upon a successful conclusion of a mediation agreement, the mediator will summarize the written feedback on the “mediation information” of the Litigation Platform.

The mediation would usually last for fifteen calendar days. Proper postponement is allowed, nevertheless, with the consent of both parties. If two parties fail to settle in the mediation period, the case will enter the case-filing stage for approval and will be submitted to the case-filing judge for review.⁴⁶

Figure 3

The online pre-trial mediation process⁴⁷

Acceptance of an online case

Once the case has been submitted, the Hangzhou Internet Court would appoint a person specifically responsible for reviewing the case online. The court should review the litigation materials

⁴⁵ It should be noted here that, even though from Hangzhou Internet Court’s litigation documents, a video or audio form of pre-trial online mediation is not specifically indicated. However, article 6 of the currently in process legislation (Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Renmin Fayuan Zaixian Banli Anjian Ruogan Wenti De Guiding (Zhengqiu Yijian Gao) (最高人民法院《关于人民法院在线办理案件若干问题的规定（征求意见稿）》 [Provisions of the supreme people’s court on several issues regarding online case hearing of people’s courts (draft)] (drafted by the Judicial Comm. Sup. People’s Ct., Jan. 21, 2021)) stipulates that online pre-trial mediation process in video or audio form shall not be recorded by parties to the mediation process. Therefore, it could be inferred that, an online pre-trial mediation process can be proceeded via video or audio form.

⁴⁶ Supra, n. 10, Article 7. In addition to the mediation process, negotiation, evaluation and arbitration are also available upon request, the Online Diversified Dispute Resolution Platform provides other kinds of out-of-court dispute resolution (<https://yundr.gov.cn>).

⁴⁷ Hangzhou Internet Court. *Mediation Platform*. Retrieved September 13, 2021 from <https://hzhftiaojiecloud.com>. Translation is provided by the author.

within seven (7) calendar days after the expiry of the online mediation and then decide whether to accept it or not.⁴⁸

Three results may be led to based on the fact:

First, dismiss. If the plaintiff does not meet the conditions for filing a lawsuit or, after online notification from the judge, the plaintiff raises a valid objection. The court will dismiss the case filed.⁴⁹

Second, return. If the case does not belong to the scope of acceptance, after online notification from the judge which the plaintiff has no objection towards; or, when additional materials are needed whereas the plaintiff fails to submit them within the time limit provided by law, an online ruling of return would be made.⁵⁰

Third, acceptance. Once the Case-filing Division of the court has reviewed the case and decided that all the conditions are fulfilled, the court shall accept the case within the time limit required by law and issue the notice of acceptance of the case online. After the case has been accepted, the plaintiff and the defendant could see the litigation documents, such as the notice of the acceptance of the case or the notice of the response to lawsuits, the notice of evidence submission, the notice of rights and duties, and anti-corruption and supervision card in an automatically generated electronic version.⁵¹

Once the case has been accepted and filed, an automatic notice would be sent to the plaintiff to pay for the litigation fee within seven calendar days after the day of receipt. If the payment were unsuccessful, a notice would also be given, and the judge would verify the situation and treat the case as withdrawal. Such a decision is available to be viewed in the system.⁵²

The same day as the case has been formally accepted, it would be sent online by the Case-filing Division of the Internet Court to the Information Management System of the People's Court of Zhejiang Province, synchronously it would be put on the Litigation Platform online. The platform would distribute the case to the judge on the day when it accepts the case.⁵³

Responding to the Lawsuit and Defense

Upon receiving the case file information, the Litigation Platform will automatically send the case information, case linkage code, and the website of the Litigation Platform to the defendant through his phone number provided by the plaintiff. When the defendant has received the afore listed materials, he could therefore respond to the lawsuit. All he needs to do is log in to the Litigation Platform and then finish the identity authentication by typing the case linkage code received into the system.⁵⁴

After the defendant has linked with the case, he could then file a response to the lawsuit and actively submit pieces of evidence during the period of defense and evidence submission. The defendant's failure to defend or submit evidence does not affect the trial process of the court.

If the defendant has any objection to the jurisdiction over the case, he could raise this objection during the defense period. The court shall review the objection raised by the parties. If the objection

⁴⁸ Supra, n. 10, Article 8.

⁴⁹ Supra, n. 10, Article 10.

⁵⁰ Supra, n. 10, Article 11.

⁵¹ Supra, n. 10, Article 12.

⁵² Supra, n. 10, Article 13.

⁵³ Supra, n. 10, Article 14. Besides, although in general all the cases submitted and accepted shall be trial online, for those complicated cases or other cases that are not suitable for a trial in the Litigation Platform, they would be transferred to the court for a trial offline.

⁵⁴ Supra, n. 10, Article 15.

is established, the case shall be ordered to be transferred to a people's court with jurisdiction; if not, the court shall rule to reject the objection.⁵⁵ After the objection to the jurisdiction procedure is finished, the court will reset the evidence submission time.⁵⁶

Evidence

Online Evidence Exchange

Where Internet courts organize the online exchange of evidence, the parties shall present evidence online by uploading electronic data and importing it into the litigation platform or uploading it to the litigation platform after digitalizing it through methods such as scanning, photographing, or recording, and may also use electronic data that has already been imported to the litigation platform to prove their viewpoints.⁵⁷ In general, physical evidence shall be requested to be sent by mail to the judge before the trial process. The time limit of online evidence exchange is the same as the time limit of the offline process. According to the simple procedure, the time limit of evidence submission is fifteen (calendar) days.⁵⁸

Online Cross-Examination

Once the online evidence exchange period has been expired, the system will automatically or manually move to the cross-examination process. The court will guide the parties to express their positions about evidence online before the trial. The parties could click on the checkbox to approve or disapprove of the authenticity, legitimacy, and relevance of evidence through the system. A supplementary explanation of the probative force of the evidence could also be submitted.⁵⁹

Verification of the Authenticity of Evidence

An online dispute usually involves two kinds of evidence: the evidence materials in paper (such as documentary evidence, appraisal opinions, or inquest records) and the evidence materials in form of electronic data. The latter one can be directly uploaded by parties to a dispute, whereas the first situation will be different. If the evidence is in paper form, it shall be digitalized by parties before submission.

Both digitalized paper evidence and evidence in form of electronic data are much easier to be modified compared to evidence in pure paper formation. Thus, when a party doubts evidence falsification, he is entitled to the right to raise objections to the authenticity of the evidence submitted. the Internet courts shall verify the authenticity of that evidence.

This verification process proposes different requirements regarding the type of evidence in dispute. For evidence in paper form that has been digitalized, the Internet courts shall request the party who submit that evidence to provide the originals.⁶⁰

For evidence in the form of electronic data, the Internet courts shall review and assess the authenticity of electronic data's creation, collection, storage, and transfer. If the authenticity of the evidence can be verified via electronic signatures, reliable time stamps, hash values checks, blockchain,

⁵⁵ *Supra*, n. 15, Article 127.

⁵⁶ *Supra*, n. 10, Article 16.

⁵⁷ *Supra*, n. 14, Article 9.

⁵⁸ *Supra*, n. 10, Article 25.

⁵⁹ *Supra*, n. 10, Article 26.

⁶⁰ *Supra*, n. 14, Article 10.

and other technological methods for collecting, fixing, and preventing alteration of evidence; or can be verified through the electronic evidence collection and storage platform.⁶¹ The authenticity of the evidence in suspicion shall be confirmed by the Internet courts.⁶²

Additionally, parties may apply for persons with specialized knowledge to submit comments on electronic data techniques. Internet courts may retain an evaluation of the authenticity of electronic data or collect other relevant evidence for comparison, based either on the application of the parties or its authority.⁶³

Trial Process

Pre-Trial Preparation

Upon confirmation of delivery by the defendant, or after the parties have completed the cross-examination process, the judge could schedule the trial procedure.⁶⁴ An online pre-trial meeting could be arranged based on the facts of the case. It has the function as follows:

1. Verify parties' identities, give notice of rights and obligations, give an announcement about courtroom discipline.
2. The exchange of evidence from both parties promotes the parties to reach an agreement upon uncontested facts and, therefore, determine the dispute's focus in advance.

Those afore listed processes that have been done before the trial procedure could be skipped during the trial. Evidence that is not in contention does not need to be presented or debated again.⁶⁵ Therefore, the online trial could be simplified, which could respond to the demand for efficiency required by online transactions and dispute resolution.

Besides, to help maintain the trial process's operation, an online pre-trial test would be held. The technicians will make sure that the Internet conditions, equipment, and the places used by each party are suitable for the online trial. Each party will be kept in contact with for an online pre-trial test, and, if necessary, technical support would be provided.⁶⁶ The pre-trial test is an indispensable procedure in the online trial process. Except where it is found to be due to the network failure, equipment damage, power outages, or *force majeure*, where parties do not punctually participate in online hearings, it is to be viewed as "refusal to appear at court"; and where they leave without authorization, it will be viewed as "leaving court during a proceeding".⁶⁷

⁶¹ These platforms are operated via a neutral third party, that platform will obtain and fix the existing target evidence in electronic form. These platforms will also store the fixed electronic data to confirm that the data has not been tampered and remains intact. The standards and criteria these platforms shall abide by in the process of verification of the evidence in form of electronic data is regulated in article 17-19 of Supra n. 13, and article 93 of *Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Minshi Susong Zhengju De Ruogan Guiding, Fashi [2019] Shijiu Hao* (最高人民法院关于民事诉讼证据的若干规定, 法释【2019】19号) [Some provisions of the supreme people's court on evidence in civil procedures, No.19 [2019]] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Dec. 06, 2001, modified Oct. 14, 2019, effective May 01, 2020) Sup. People's Ct. Gaz., Dec. 25, 2019, <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-212721.html> (China).

⁶² Supra, n. 14, Article 11.

⁶³ Supra, n. 14, Article 11. Supra, n.13, Article 19.

⁶⁴ Supra, n. 10, Article 27.

⁶⁵ Supra, n. 14, Article 13.

⁶⁶ Supra, n. 10, Article 29.

⁶⁷ Supra, n. 14, Article 14.

Online Trial

Start the Procedure

Automatic notice of “enter the trial” will appear when the trial process begins. Both the judge and parties could get access to the online trial by simply clicking that button. The judge would first verify the parties’ identities, then by clicking “start the trial”, video recording starts, the online trial will officially begin. The judge can click on the “adjournment” button if needed during the trial procedure. Once the trial procedure has been finished, the judge would click on the “adjournment” button. The video recording will stop, whereas the picture of each party would appear continuously.⁶⁸

Procedure on-going

The online trial process is relatively flexible than the offline one. In general, the trial procedure consists of different steps: party statements, court investigation, and courtroom debate. While in an online trial, those steps may be conducted together with the parties’ consent. Besides, for cases that the facts are clear (simple cases), hearings may be conducted directly revolving around the litigation demands rather than be restricted by the procedural order of the trial process. For those cases that the elements and key points thereof are relatively centralized, hearings may be conducted directly revolving around the case elements.⁶⁹

End-up the Procedure

When the hearing has been finished, the court clerk will upload the transcripts with the system’s support. The parties could read and check the transcripts online. Modifications and corrections could be made, upon request of the parties, when it is necessary, through the live video. Upon click of the button “confirm” by each party, the court clerk would save the transcripts. Accordingly, the whole trial process would be finished once the judge has clicked the “end of trial” button, all the parties may leave the online trial court.⁷⁰

Technical methods are adopted for the benign operation of the trial procedure. The entire procedure of an online trial is audiotaped and videotaped. If the fact of the case is relatively clear with little controversy, the court clerk may absent himself from the trial once the preparation work has been done.⁷¹ Besides, another technology is also adopted to facilitate the trial procedure, the intelligent voice recognition system. Transcripts would be used as the trial record and can be confirmed by the parties by clicking on the button.⁷² After the electronic records are checked and confirmed through online methods, they possess the same force as written records.⁷³

Online Announcement and Judgment Making

The judge can announce the judgment in court by the end of the trial procedure. Civil cases that adopt small claim procedure, and civil and administrative cases that adopt the simplified

⁶⁸ Supra, n. 10, Article 32.

⁶⁹ Supra, n. 14, Article 13 (3).

⁷⁰ If the trial transcripts are replaced by audio or video recordings, the trial judge and judicial assistant shall keep all the recordings on file. After the judge click on the “end of the trial” button, all the parties may leave the trial court. (Supra, n. 10, Article 32)

⁷¹ Supra, n. 10, Article 33.

⁷² Supra, n. 10, Article 34.

⁷³ Supra, n. 14, Article 20.

procedure, shall be announced in the court, in principle. For cases that have not been announced in court, the Litigation Platform announcement should be made. At the time of the announcement, the judge would upload the judgment document to that platform, make sure each party could review it. Meanwhile, a hard copy of the judgment document would be sent to the parties by postal mail.⁷⁴

Judgment is automatically generated. The judge uses artificial intelligence technology to make the judgment document. All or part of the documents are automatically generated in the Litigation Platform and then can be revised and modified by the judge.⁷⁵ If a judgment is announced in court, the judgment document can be simplified appropriately. A civil case judgment document is not needed with the consent of all the parties if the judgment has been immediately implemented in court and the relevant information has been recorded as a transcript.⁷⁶

Enforcement of Judgments

Service of Documents

Service methods and electronic service

In general, electronic service is adopted in an online trial process. However, if the location of the party is unknown, or the party does not have any response in the Litigation Platform, or if a document could not be served through the methods mentioned above, this document shall be served by public announcement. Accordingly, the case shall be transferred to a trial offline.⁷⁷

With the consent of the parties, the Internet courts *shall* use electronic means such as the China Trial Process Information Disclosure Network, the litigation platform, mobile phone text messages, fax, e-mail, and instant messenger accounts⁷⁸ to serve litigation documents and evidentiary materials submitted by the parties. Whereas there is no express consent, the parties may still be viewed as having consented to the electronic service under the following two situations. First, parties have agreed, when the dispute arises, to use electronic service during litigation. Second, by completing behaviors such as confirming receipt or taking corresponding procedural action as accepting the method of electronic service.⁷⁹

Confirmation of the service address

The specific method for services and the address shall be confirmed if the electronic service is adopted. In lack of a valid service address, the Internet courts shall make the preferred method of service through mobile phone numbers, e-mail accounts, instant messenger accounts, and other routine electronic addresses that can be confirmed as being in a state of regular activity by the persons receiving service for the past three months.⁸⁰

⁷⁴ Supra, n. 10, Article 38.

⁷⁵ Supra, n. 10, Article 36.

⁷⁶ Supra, n. 10, Article 37.

⁷⁷ Supra, n. 10, Article 24.

⁷⁸ To be more specifically, the Hangzhou Internet Court lists several service tools for reference, such as: the party's personal account in the Litigation Platform, mobile phone number, email, Aliwangwang and WeChat (an instant communication software that supports document transform as well, it is now being frequently in China). (Supra, n. 10, Article 22)

⁷⁹ Supra, n. 14, Article 15.

⁸⁰ Supra, n. 14, Article 16.

Following the Judicial Interpretation, Hangzhou Internet Court also stipulates rules concerning confirmation of the service address in detail. In the situation when the party refuses to provide a valid service address, the following options could be chosen by the Internet court: the address agreed by the parties for the delivery of mail regarding the litigation of contract dispute; the address used by the court to contact the party in the litigation or the address used by the party to submit the materials to the court; the address provided by the party for his or her other litigation or arbitration case within a year; a frequently used address for the party's civil activities within a year, the address used by the party's online shop for the delivery of goods or; the address for the bulletin used by the party.

If, through all afore listed addresses, the service address is still failed to be confirmed. If the party is a natural person, the residence address registered with his or her household register, or his habitual residence address, could be regarded as the service address. Where a party is a legal person, its business address registered and kept on record in the department of industrial and commercial administration or other administrative departments shall be deemed the service address.⁸¹

Proof of a successful service

The proof is needed for a successful service; two situations could be discussed here in detail.

First, suppose the service is conducted via the address proactively provided or confirmed by the service recipient. In that case, it is viewed as served when the information reaches the recipient's designated system.

Second, if Internet courts conduct service to the service recipient's regular electronic address or other electronic address that could be obtained, the completion of the service is determined based on the following circumstances:

1. Where the recipient of service responds that he has already received the materials served or acted based on and corresponding to the materials served, service is viewed as completed.
2. Where the recipient of service's media system reports back that the recipient has already read it, or where there is other evidence showing that the recipient has already read it, or where there is other evidence showing that the recipient has already received it, there is a presumption that effective service has been completed. Except where the recipient can prove they did not receive the served content due to situations like an error in the storage media system, the service address not being their own or used by them, or that it was not them that accessed it.

Where effective service was completed, the Internet courts shall draft an electronic service receipt. The electronic receipt is effective as proof of service.⁸²

Online Judgment Enforcement

Requirements and procedure of online judgment enforcement

The parties' real interests in dispute could not be finally realized until the judgment is enforced and executed. An online judgment is, in nature, the same as an offline judgment. The only difference an online judgment appears when compared to an offline judgment is that it is issued through an online litigation process, which is facilitated largely by using Internet technologies. Therefore, an online judgment can also be viewed as a technology-supported judgment. Enforcement of this kind

⁸¹ *Supra*, n. 10, Article 21.

⁸² *Supra*, n. 14, Article 17.

of judgment remains similar to that of an offline judgment. Existing rules and regulations on judgment enforcement also apply to online judgment enforcement.

A final and effective judgment is enforceable under Chinese law. After the judgment comes into effect, the parties can directly apply online for enforcement without being required to be physically present in an offline court. No specific requirements thereof could be found in the *Trial Procedure* nor the *Judicial Interpretation on Internet Court*. However, it is stipulated in the *Trial Procedure* that the *Civil Procedure Law* is the basis for the two legal documents. Therefore, I would principally refer to this law and discuss the requirements and the procedures of enforcing a domestic online judgment and a foreign one separately.

Domestic online judgment enforcement. When a domestic judgment is issued, it shall be enforced by the people's court of the first instance or the people's court where the property is executed, which is at the same level as the people's court of the first instance.⁸³

Foreign online judgment enforcement. When the judgment is a foreign one, a people's court shall review such judgment or ruling under:

1. International treaties concluded or acceded to by China; or
2. By the principle of reciprocity.

Suppose, upon such review, the people's court considers that such judgment or ruling neither contradicts the *basic principles* of the People's Republic of China's law nor violates *State sovereignty, security, and the public interest*. In that case, it shall rule to recognize the effectiveness of the foreign judgment.⁸⁴

In 2019, the Hague Conference on Private International Law ("HCCH") has established the *Convention of 2 July on the Recognition and Enforcement in Civil or Commercial Matters* ("HCCH 2019 Judgments Convention") that sets forth commonly accepted conditions for recognition and enforcement of foreign judgments. This Convention is a single convention that only regulates judgment recognition and enforcement. If jurisdictional bases set up in article 5⁸⁵ are fulfilled, the judgment issued is therefore deemed "eligible for recognition and enforcement" under the Convention. Under the obligation of mutual recognition and enforcement indicated in article 4(1) of the Convention, once a foreign judgment is regarded "eligible for recognition and enforcement", the requested State shall recognize and enforce that foreign judgment.

The Convention does not indicate that it also applies to online judgments. Nevertheless, considering that online judgments are in nature the same as offline judgments, there is no reason to stop applying the Convention on enforcing online judgments. So far, this Convention has not yet been in force, only Israel (March 3, 2021), Ukraine (March 4, 2020), and Uruguay (July 2, 2019) have signed the Convention. However, it is undeniable that it is a good attempt on enhancing access to justice in cross-border circumstances and on facilitating the circulation of foreign judgments. It would constitute a solid legal base for recognizing and enforcing foreign online judgments once it has been in force.

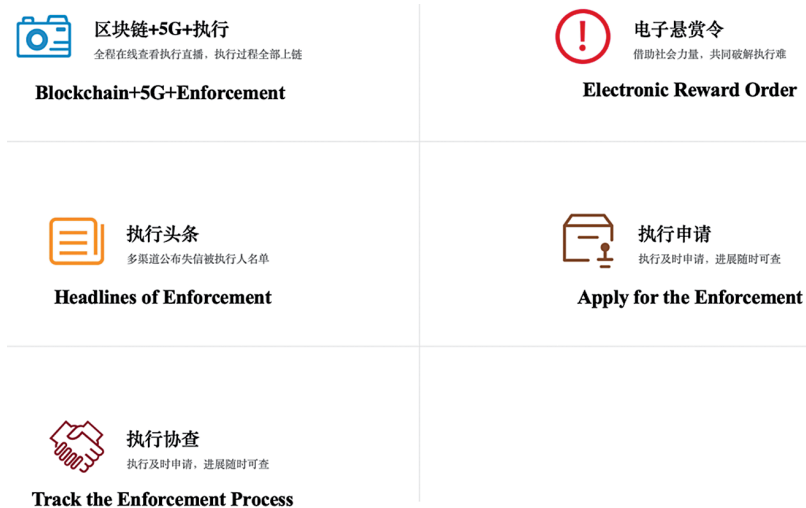
⁸³ Supra, n. 15, Article 224.

⁸⁴ Supra, n. 15, Article 282.

⁸⁵ Article 5 contains a list of rules that indicate the necessary connection between the judgment and the country of origin where that judgment was issued. Specifically, article 5(2) regulates that under certain conditions consumers can enjoy the protection rendered by the Convention. For more details regarding consumer protection and this Convention, please refer to: Nielsen, P. A. (2020). The Hague 2019 Judgments Convention: From Failure to Success? *Journal of Private International Law*. 16(2). <https://doi.org/10.1080/17441048.2020.1759854>; Araujo N., Nardi M. (2020) Consumer Protection under the HCCH 2019 Judgments Convention, *Netherlands International Law Review*. 67(1). <https://doi.org/10.1007/s40802-020-00156-5>.

Figure 4

Enforcement platform⁸⁶

The enforcement platform: methods for enforcement

Once the judgment enforcement has been accepted, the party could directly access the Enforcement Platform from the Hangzhou Litigation Platform. The Platform uses three specific methods for enforcement, these methods can be categorized into:

1. Blockchain+5G+Enforcement.
2. Social norms: electronic reward order and headlines of enforcement.

Blockchain+5G+Enforcement: A technology-supported enforcement method. By using the blockchain and 5G technology, this method can provide a confidential, transparent, secure, instantaneous, and neutral service for all Internet users. This method normally involves three parties: the command center, the executed person, and the executive officers. By using the 5G blockchain judicial enforcement recorder, the executed items can be presented to the executed person remotely, the latter can witness the entire execution process and confirm the execution results. The entire procedure is operated transparently through multi-party, real-time interaction.⁸⁷

Social norms: electronic reward order and headlines of enforcement. Additionally, Hangzhou Internet Court also uses social norms as a method by either issuing an electronic reward order or publishing detailed information about the dishonest party. These two enforcement methods apply in the situation where the person against whom enforcement is sought refuses to comply with the judgment.

⁸⁶ Hangzhou Internet Court. (n.d.). Retrieved September 13, 2021 from <https://www.netcourt.gov.cn/#lassen/executionPlatform>

⁸⁷ Zhejiang News. (2019, June 20). *The Initiative Internet-Related Enforcement Mechanism of "5G+Blockchain" by Hangzhou Internet Court.* <https://zj.zjol.com.cn/news/1225303.html>

Conclusion

Internet court is not an occasional innovation on dispute resolution method, but an inevitable result of the evolving Internet technology. Just as it has been commonly admitted that the concept of Internet Law⁸⁸ is developing rather than being fixed, our acknowledgment towards Internet court shall not be stuck into the current stage. Therefore, instead of discussing whether the Internet court belongs to ODR, focus shall be put on how to refine this solution to better collaborate with other dispute solutions and protect the legal interests of Internet users.

Rules adopted for governing Internet courts in China consist of laws and regulations established by the legislature and internal rules set up separately by each litigation platform. This article would deem China's legal practice as reasonable for the current development stage since cyberspace does not exist in isolation. It has a close connection with the real physical world. People who use or control the Internet come from the real world, and their online behaviors eventually locate to the physical world and have effects on it. Therefore, at the infancy stage of the development of the Internet, the current measure is proper. It could help best realize justice without hampering the development of the Internet. The only concern here that is worth further consideration is integrating the three litigation platforms' existing rules. Since the Internet is a global network with everyone involved, fragmented regulations may create chaos and even injustice results.

Even though China was the first country that has successfully established the Internet court system, China is not the only country that has ever attempted to do so. UK and US have set up websites that provide resolutions for small claims: "Online Civil Money Claims"⁸⁹ and "Franklin County Municipal Court: Small Claims Courts 2.0"⁹⁰. Nevertheless, these two online services need further improvement to fully function as an Internet court we discussed here. These two courts only provide monetary claims that fall within certain limits (£ 10 000 and \$ 6 000). Not all Internet-related types of disputes are covered in this regard. Besides, the Small Claims Courts 2.0 indicates that it is not a trial. Its purpose is to solve the case before it goes further through the legal system.⁹¹ The main method adopted in the process is negotiation. No trial process gets involved, if no agreement could be reached through the negotiation, the dispute will continue, and the parties shall have to seek other legal options. However, it is undeniable that those efforts could help release part of the court's burden, which uses the Internet to realize the parties' interests quickly. Therefore, they could be deemed as the initial development of the Internet court. With the improvement of technology and modification of laws and regulations, Internet courts are hopefully to be found in countries outside of China.

⁸⁸ Lodder, A. R. (2018). Internet law: A brief introduction. In B. Warf (Ed.), *Sage Encyclopedia of the Internet* (p. 1). Sage Publications Ltd. <https://ssrn.com/abstract=3191751>

⁸⁹ UK Government. (n.d.). *Making a money claim online*. Retrieved September 13, 2021 from <https://www.gov.uk/make-money-claim>.

⁹⁰ Online Dispute Resolution Franklin County Municipal Court. (n.d.). *Welcome page*. Retrieved September 13, 2021 from <https://sc.courtinnovations.com/OHFCMC>.

⁹¹ Online Dispute Resolution Franklin County Municipal Court. (n.d.). *Welcome page*. Retrieved September 13, 2021 from <https://sc.courtinnovations.com/OHFCMC/help>.

Information about the author:

Jianing Sang — Ph.D. Student, Department of International Law and Commercial Law, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland.

serena.sang@outlook.com

ORCID 0000-0001-9015-0093

Сведения об авторе:

Цзяньин Санг — аспирант кафедры международного и коммерческого права Университета Фрибура, Фрибур, Швейцария.

serena.sang@outlook.com

ORCID 0000-0001-9015-0093

ЭССЕ

СООТНОШЕНИЕ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT) И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ТРИУМФ ПРОПРИЕТАРНОГО ПОДХОДА?

А.А. Долганин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Аннотация

Технологические способы защиты интеллектуальной собственности обзорно рассматриваются и объединяются в эссе в едином циклическом дискурсе исторического развития — от рукотворных подписей художников Возрождения до невзаимозаменяемых токенов (non-fungible tokens, NFT). Масштабное распространение NFT проанализировано с точки зрения коммерческой оборотоспособности токенов как объектов, сочетающих одновременно характеристики самостоятельности и производности по отношению к интеллектуальной собственности (базисному цифровому активу). Объектная самодостаточность NFT обеспечивается их товарными свойствами, которые, в свою очередь, проистекают не только и не столько из ценности базисного актива, сколько из феномена кристаллизации уникальности и неповторимости фиксированной версии актива в невзаимозаменяемом и невозпроизводимом токене. Производность NFT, условно соотносимая с производностью контрактов на финансовых рынках, проявляется в символизации интеллектуальной собственности как базисного актива и утрате, полной или частичной, ее обычной значимости для потенциального приобретателя при помещении в NFT-образ. Несмотря на разнообразие и специфику становления юридических подходов к пониманию интеллектуальной собственности, можно констатировать достаточно давний и устойчивый концептуальный уход правовой науки от простейших проприетарных теорий переноса на результаты интеллектуальной деятельности конструкций вещных прав. Однако наличие у NFT некоторых вещных признаков, технологически доведенных до абсолютного уровня и позволяющих обеспечить и внутренний, и внешний аспекты отношения собственности, ставит вопрос о новой юридической жизни «проприетаризма» в условиях цифровизации и информационного капитализма.

Ключевые слова

NFT, non-fungible tokens, невзаимозаменяемый токен, токены, интеллектуальная собственность, авторское право, производство, цифровизация, цифровое право, собственность

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Долганин, А. А. (2021). Соотношение невзаимозаменяемых токенов (NFT) и интеллектуальной собственности: триумф проприетарного подхода? *Цифровое право*, 2(3), 46–54. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-46-54>

Поступила: 30.08.2021; принята в печать: 14.09.2021; опубликована: 30.09.2021

ESSAYS

NON-FUNGIBLE TOKENS (NFT) AND INTELLECTUAL PROPERTY: THE TRIUMPH OF THE PROPRIETARY APPROACH?

Alexander A. Dolganin

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

Technical methods of intellectual property protection are reviewed and combined in the essay in the discourse of historical development – from man-made signatures of Renaissance artists to non-fungible tokens (NFT). The proliferation of NFTs is analyzed from the point of view of the commercial law: NFTs are discussed as objects that simultaneously have the characteristics of independence and a derivative nature in relation to intellectual property being the underlying digital asset. The self-sufficiency of NFTs as legal objects is provided by their commodity properties, which arise not only from the value of the underlying asset, but from the phenomenon of crystallization of the unique fixed version of the asset in a non-interchangeable and irreproducible token. The derivative nature of NFTs, figuratively correlated with the derivative contracts in financial markets, is manifested in the symbolization of intellectual property as an underlying asset and the loss (in full or in part) of its usual significance for a potential acquirer when placed in an NFT-image. Despite the variety and a specific evolution of legal approaches to the understanding of intellectual property, we can state a long-standing conceptual rejection by legal scholars from the simplest proprietary theories of transferring real rights constructions to intellectual property. However, some absolute property features of the NFTs, ensuring both internal and external legal aspects of the property, raise the question of a new legal life of “proprietaryism” in the conditions of digitalization and information capitalism.

Keywords

NFT, non-fungible tokens, tokens, intellectual property, copyright, work, digitalization, digital law, underlying asset, property

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The study had no sponsorship.

For citation

Dolganin, A. A. (2021). Non-fungible tokens (NFT) and intellectual property: The triumph of the proprietary approach? *Digital Law Journal*, 2(3), 46–54. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-46-54>

Submitted: 30 Aug. 2021, accepted: 14 Sept. 2021, published: 30 Sept. 2021

Возникновение правовых институтов иногда удивительно циклично в своих причинах и целях, несмотря на яркость и неповторимость исторически сложившихся общественных отношений и характерных для них инструментов реальности. Итальянские живописцы эпохи Возрождения начинают подписывать свои картины для защиты авторства и уникализации своего таланта¹, подчас проявляя чудеса изобретательности для обозначения подлинности, символической фиксации своей идентичности, носителем которой становится авторская сигнатура. Альбрехт Дюрер в 1506 году затевает отчаянное судебное разбирательство в Венеции, обратившись с иском (возможно, первым в истории полноценным иском о защите интеллектуальных прав) к ученику Рафаэля, граверу Маркантонио Раймонди, без разрешения и ведома Дюрера копировавшему его работы вместе с характерной и всем известной монограммой «AD». Однако результаты процесса оказались разочаровывающими для Дюрера: выступившая в роли суда венецианская Синьория запрещает использовать сигнатуру «AD», но разрешает дальнейшее копирование самих работ (аналогичное решение было вынесено и в 1512 году уже в Нюрнберге)². Решение, которое в современном праве интеллектуальной собственности выглядило несколько абсурдным и явно ошибочным, демонстрирует, тем не менее, крайне любопытное разделение юридической судьбы основного произведения и его «символа подлинности» с намеком на правовую объективацию последнего. Суд словно подчеркнул и утвердил, с одной стороны, принципиальную тиражируемость и воспроизводимость произведений, получивших самостоятельную объективную жизнь после создания, и, с другой стороны, неповторимость их сигнатур, сохраняющих «частицу Бога» — индивидуальность таланта автора.

По прошествии пяти веков снова можно наблюдать попытку авторов защитить свои произведения и даже придать им новую форму для запуска в оборот — уже в рамках нового технологического уровня и при помощи новых инструментов цифровой среды. В 2021 году невероятную популярность приобретают невзаимозаменяемые токены (non-fungible tokens, NFT), в современной юридической практике обычно определяемые в качестве свидетельств о праве (тителе) на оригинальную, первичную и единственную версию цифрового актива, создаваемых при помощи блокчейн-технологий³. Обладает ли гипотетической воспроизводимостью такой цифровой актив, рассматриваемый сам по себе в качестве самостоятельного объекта? Вероятно, да, с учетом существующего уровня техники. Однако после размещения в специальной информационной системе его состояние фиксируется в единственно возможной, неизменной

¹ Goffen, R. (2001). Signatures: Inscribing identity in Italian Renaissance art. *Viator*, 32, 303–370. <https://doi.org/10.1484/J.VIATOR.2.300740>

² White, M. (2017, June 10). *The implications of the copying and forgery of Dürer's print works. How might he have contributed to the modern concept of copyright.* Art: "The Memory of Humanity" (Novalis). <https://madeleinesartblog.wordpress.com/2017/06/10/the-implications-of-the-copying-and-forgery-of-durers-print-works-how-might-he-have-contributed-to-the-modern-concept-of-copyright/>

³ Cerri, A., & Cullen, C. (2021, August 6). *Non-fungible tokens (NFTs): Are they a way for celebrities to "reclaim" their image? And what happens to the IP?* RPC. <https://www.rpc.co.uk/perspectives/ip/non-fungible-tokens-nfts-are-they-a-way-for-celebrities-to-reclaim-their-image/>

форме, воплощением идентичности которой становится уникальный, не имеющий аналогов и, что очень важно, объективно нетиражируемый и неспособный к воспроизведению сертификат-токен. Коммерческую оборотоспособность в данном случае приобретает именно сам символ — NFT: интерес покупателя явно направлен не на цифровой актив сам по себе (здесь можно использовать термин «базисный актив» из совершенно другой сферы — рынка производных финансовых инструментов), а на особый способ его существования, реализованный в токене. Потребительная стоимость (или более современная маркетинговая категория воспринимаемой ценности) при этом зарождается не столько в художественной значимости или оригинальности творческой формы актива, сколько в принципиальной неповторимости его цифрового бытия, связываемой, как правило, с каким-то брендом (зачастую личным, а не товарным или сервисным) и отождествляемой с соответствующим токеном.

Таким образом, возможность NFT выступать в качестве объекта торговых сделок проистекает по меньшей мере из двух условий: 1) наличия токенизируемого базисного актива, 2) фиксации его невзаимозаменяемого состояния в уникальном цифровом сертификате, что не только создает новую коммерческую ценность, но и весьма эффективно защищает подлинность произведения. Удивительно, но вышеупомянутые сигнатуры Дюрера отчасти и условно можно представить далекими предшественниками NFT: монограммы «AD» как носители идентичности художника определяли коммерческую ценность произведений и пытались защитить их от произвольного и несанкционированного копирования. Можно резонно возразить, что подписи художников являлись лишь техническим приемом и не создавали принципиально новый объект правоотношений. Однако именно они, будучи проявлением личности художника и внешним выражением права авторства, формировали потребительную стоимость подписываемых предметов искусства, в связи с чем, как уже отмечалось, на закате Средневековья суды считали возможным разделять правовые режимы произведения и его сигнатуры. Вместе с тем, современные NFT предлагают творцам недостижимый в обычных авторских подписях уровень защищенности от копирования и воспроизведения, позволяющий владельцу токена полностью контролировать и обладание самим токеном, и доступ к базисному цифровому активу. Этот уровень, равно как и в значительной степени потребительная стоимость, обеспечиваются уже не оригинальным мастерством автора, имеющим объективные ограничения (подделать или незаконно воспроизвести возможно и произведение в обычной своей форме, и его рукотворную сигнатуру), а специальными информационными технологиями, которые не только создают самостоятельную и доминирующую ценность уникальности, но и в некотором смысле «сплавляют» в единый объект разделенные много веков назад венецианской Синьорией в решении по иску Дюрера произведение и его подпись.

Однако оценивать такой синтез следует с осторожностью и необходимыми оговорками. Так, представляется, что ранее предложенное мной использование применительно к NFT термина «базисный актив», обозначающего объект производных финансовых инструментов (деривативов), не связано только лишь с формальным терминологическим удобством. В расчетных деривативных контрактах, заключаемых в отношении вполне конкретных базисных активов, но не предполагающих их реальную передачу, наблюдается трансформация каузы сделки в связи с изменением имущественных интересов и экономических целей контрагентов: приобретение актива замещается выплатой вариационной маржи (разницей между фиксированной стоимостью актива в момент заключения контракта и расчетной стоимостью в момент исполнения). Базисный актив становится, по сути, номинальным объектом, символом базисной стоимости, служащей основой для определения цены производного финансового инструмента,

тогда как реальное приобретение такого актива опосредуется уже другими договорами (поставки и т. п.). В свою очередь, базисный актив NFT, то есть находящийся в зафиксированном неизменном состоянии и особом режиме доступа цифровой объект (например, произведение), способен, как правило, к самодостаточному существованию в качестве результата интеллектуальной деятельности и, соответственно, может выступать объектом обычных лицензионных правоотношений в рамках общеизвестных каналов цифровой дистрибуции. Когда Kings of Leon издали в 2021 году свой новый музыкальный альбом в формате NFT, крупные лейблы усмотрели в этом серьезную угрозу для своих продаж. В данном случае музыкальные композиции как базисный актив вполне могли распространяться через обычные цифровые платформы, но авторы выбрали формат NFT и добились коммерческого успеха⁴. Чем тогда можно объяснить востребованность NFT у правообладателей и пользователей? Можно ли ограничиться в ответе на этот вопрос простотой обмена цифровыми объектами и защитой от незаконного воспроизведения? Очевидно, что нет, поскольку в настоящее время авторам доступно огромное количество способов независимого распространения своего творчества (Bandcamp, SoundCloud и др.), а современные Интернет-сервисы предлагают достаточно серьезные технологические решения по недопущению произвольного копирования контента (например, iTunes). Безусловно, одновременное сочетание этих возможностей нельзя не считать достоинством NFT, однако ключевым фактором, как представляется, следует считать появление нового объекта, производного по отношению к базисному цифровому активу и отстранившего его на второй план. Для покупателя приобретение NFT уже явно нетождественно приобретению самого базисного актива: токен не только обеспечивает доступ к активу, но и приобретает свойства уникальности, неповторимости и полной контролируемости его владельцем, превращаясь в символ обладания той самой «частицей Бога» — объективированным и индивидуально-определенным фрагментом идентичности автора или кумира вообще (в каком-то смысле, вероятно, это можно сравнить с обладанием книги с автографом писателя или подписанной спортсменом футбольной майкой и т. п.).

И, например, расчетный нефтяной фьючерс, и NFT-альбом, таким образом, имеют производный от базисного актива (нефти или музыкальных композиций) характер: цена фьючерсного договора формируется на основе колебаний рыночной стоимости нефти (базисный актив как символ стоимости товара), а токен приобретает свойства товара благодаря своей ассоциированности с автором музыки (базисный актив как символ бренда в широком смысле). Заключение расчетных нефтяных фьючерсов или выпуск NFT-альбомов, безусловно, не означает прекращение реальной торговли нефтью или цифровой дистрибуции музыкальных произведений через сервисы потокового мультимедиа. Но так же, как появление деривативных контрактов изменило ценообразование на товарных рынках и привлекло профессиональные финансовые институты, так и NFT способны изменить структуру рынка интеллектуальной собственности и заметно расширить аудиторию потенциальных потребителей, в которую будут входить не только ценители творчества, но и коллекционеры, инвесторы и другие субъекты с новыми экономическими целями, достигаемыми при помощи приобретения NFT.

Производный характер NFT неизбежно ставит вопрос о соотношении их правового режима и концептуальных оснований прав на объекты интеллектуальной собственности. Уже неоднократно упомянутый исторический пример Дюрера прекрасно демонстрирует те сущность

⁴ del Castillo, M. (2021, August 13). *Are NFTs the new Napster? This time the music industry isn't taking chances*. Forbes. <https://www.forbes.com/sites/michaeldelcastillo/2021/08/13/are-nfts-the-new-napster-this-time-the-music-industry-isnt-taking-chances/>

и содержание юридической категории интеллектуальной собственности, которые были важны и нужны авторам (или вообще любым правообладателям) как во внутреннем, так и во внешнем аспекте их субъект-объектного отношения к собственному произведению. Гравюры Дюрера, существовавшие в виде материальных оригинальных экземпляров, позволяют достаточно легко обозначить наиболее очевидное во внутреннем аспекте отношений между ними и их первичным обладателем-творцом: художник мог в полной мере господствовать над вещью, служившей овеществленным носителем произведения, использовать его по своему усмотрению (например, в других произведениях), отчуждать оригинал другим лицам или даже просто его сжечь. Внешний аспект, то есть отношения между Дюрером и третьими лицами по поводу произведения, тоже выглядит весьма незамысловато: внутренний аспект отношения к оригиналу такой гравюры монополизирован его обладателем, который может пресекать любые попытки третьих лиц нарушать эту монополию и взаимодействовать с произведением в его материальном, вещном воплощении (присваивать, использовать, отчуждать, уничтожать и т. п.). Подобное юридическое наполнение интеллектуальной собственности, как несложно заметить, является переносом на результаты интеллектуальной деятельности содержания классических вещных прав, что в начале XVI в. можно связывать и с традиционным наличием у произведений вещных способов объективного выражения.

Можно ли утверждать, что такой подход к пониманию интеллектуальной собственности в полной мере отвечал всем интересам авторов того времени, уже столкнувшегося с революцией в книгопечатании? Разумеется, нет, и иски Дюрера в Венеции и Нюрнберге служат тому подтверждением. Если в актах присвоения и использования во внутренней стороне отношения к произведению явные проблемы не обнаруживаются, то возможности по распоряжению становятся ощутимо условными и даже эфемерными в связи с невиданным распространением копий гравюр. Сохранили ли при этом акты отчуждения или уничтожения свой смысл с точки зрения целеполагания актора-обладателя, присущ ли им все тот же экономический смысл, способны ли они породить все те же юридические последствия — что и в случае оборота обычных вещей? Для Дюрера все меняет лишь один факт плагиата Маркантонио Раймонди и распространения создаваемых последним высококачественных копий: как никогда ярко проявляется несовпадение бестелесного произведения и его материального отражения в вещном оригинале в тот момент, когда растиражированные копии расходятся по разным приобретателям, а какой-нибудь художник (необязательно Дюрер) уже не может своей волей окончательно уничтожить результат своего творчества или убедить в исключительной ценности оригинала богатого купца, знающего о созданных учеником Рафаэля (или другим недобросовестным мастером) контрафактных экземплярах. И внутренний, и внешний аспект построенного по обычной вещной модели отношения, таким образом, подвергаются серьезным испытаниям в связи с существенным ослаблением (хотя и не полным исчезновением ввиду наличия материальных оригиналов) тех свойств «физической» собственности, которые, например, Дж. Фэйрфилд подробно описывает в качестве «соперничества» («rivalrousness»), то есть невозможности нахождения объекта одновременно у двух лиц, и «дефицитности» («scarcity») — уникальности или редкости ввиду сложности тиражирования⁵. В отчаянных попытках хотя бы немного усилить эти утрачиваемые свойства авторы начинают использовать сигнатуры, но эффект, как уже было показано выше, оказывается очень ограниченным.

⁵ Fairfield, J. (2017). *Owned: Property, privacy, and the new digital serfdom*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316671467>; Fairfield, J. (2021). Tokenized: The law of non-fungible tokens and unique digital property. *Indiana Law Journal*, Forthcoming. <https://ssrn.com/abstract=3821102>

Очевидная неспособность обычного собственнического отношения объять результаты творчества так же успешно и полноценно, как материальные вещи, привела, как известно, к становлению в юридической науке достаточно разнообразных подходов к определению правового бытия интеллектуальной собственности. Проприетарная концепция, прямо поместившая произведения в объектное поле вещных прав, закономерно стала исторически первой, обеспечив нормативное развитие ранее интуитивно осознаваемого естественного чувства принадлежности объекта его создателю (хотя и в результате не физического, а творческого труда) и, в частности, утвердив сам термин «интеллектуальная собственность» («intellectual property»)⁶. Вместе с тем, хотя языковая разница в семантике термина «собственность» («property») и, что более важно, существенные различия в его правовом содержании в английском общем праве и романо-германской правовой семье делают весьма условными любые обобщения, можно с уверенностью утверждать, что простейшее переложение на результаты интеллектуальной деятельности категории «собственность» в дальнейшем подвергается сомнению во многих правопорядках⁷. Характерно и даже удивительно, что эти сомнения оказались устойчивы во времени и в некотором смысле интернациональны, не только выдержав испытание цифровизацией, но и укрепившись. Если в 1903 году в России А. А. Пиленко, критикуя «проприетаристов», приходит к выводу об относимости интеллектуальной собственности не к конкретным вещам как явлениям материи («species»), а к «genus», то есть скорее к эйдосам, нематериальным абстрактным объектам, и право на такие объекты описывает в качестве абсолютного права запрещать эксплуатацию такого эйдоса, создавать соответствующую монополию⁸, то в 1997 году в США Дж. Пеннер прямо определяет права интеллектуальной собственности в качестве монополий, установленных в отношении идей, выражений, символов⁹, а 2013 году в Великобритании, в свою очередь, С. Дуглас и Б. Макфарлейн, критически анализируя фундаментальное для англо-саксонской правовой традиции учение У. Хохфельда о «пучке прав» («bundle of rights»), усматривают в праве собственности абсолютное отношение с единственно возможным объектом в виде материальной вещи и исключают из этого отношения, таким образом, интеллектуальную собственность¹⁰.

В научной литературе, безусловно, появляются концепции, смягчающие проприетарный подход, адаптирующие его к специфике результатов интеллектуальной деятельности: от компромиссного варианта Дж. Харриса, указывающего на то, что интеллектуальные права, в отличие от обычного права собственности на телесные вещи, создают не естественную, а искусственную «дефицитность» («scarcity») посредством устанавливаемых монополий и запретов, в связи с чем такие права все-таки возможно конструировать по модели права собственности¹¹, — до применения к результатам интеллектуальной деятельности концепции «дематериализованной собственности», предполагающей в качестве объекта права не явление реального мира самого по себе (в материальной (вещь) или идеальной (произведение) форме),

⁶ Подробнее об исторических аспектах см., например: Pottage, A., & Sherman, B. (2013). On the prehistory of intellectual property. In J. Griffiths (Author) & H. Howe (Ed.), *Concepts of property in intellectual property law* (pp. 11–28). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107300880.003>

⁷ Критику проприетарной теории и обзор альтернативных теорий см., например, у А. А. Пиленко: Pilenko, A. A. (1902–1903) *Pravo izobretatelya*. Vol. I–II. [The right of the inventor]. Izdatel'stvo M. M. Stasyulevicha.

⁸ Pilenko, 1903.

⁹ Penner, J. E. (1997). *The idea of property in law*. Oxford University Press.

¹⁰ Douglas, S., & McFarlane, B. (2013b). Defining property rights. In J. Penner & H. Smith (Eds.), *Philosophical Foundations of Property Law* (pp. 219–243). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199673582.003.0010>

¹¹ Harris, J. W. (1996). *Property and justice*. Oxford University Press.

а легальный конструкт, своего рода режим, для которого вещь или произведение будет лишь прямым или косвенным указателем («reifier»)¹². Однако, несмотря на подобные попытки модернизации самых прямолинейных проприетарных представлений, глобальный исход интеллектуальной собственности в цифровую среду сильнее всего образом пошатнул основания проприетарного подхода — глубже и масштабнее, чем в свое время книгопечатание. Идеальная природа результатов интеллектуальной деятельности в информационных отношениях синергетически взаимодействует с непотребляемостью и неуничтожимостью как свойствами информации, в которую они превращаются: эйдос как идея объективируется в виде цифрового кода, распространение которого перестает быть связано со сложностью материального воспроизведения оригиналов (уже не нужно быть учеником Рафаэля для законного или незаконного копирования), ограничено отныне лишь технологическими возможностями каналов связи и не сковано хрупкостью человеческого сознания и памяти, в связи с чем появление объекта в Интернете в некотором смысле означает его переход в цифровую вечность. Ранее упомянутые «соперничество» («rivalrousness») и «дефицитность» («scarcity») интеллектуальной собственности пострадали в такой степени, что уже совершенно неизвестны по сравнению с исходным вариантом этих признаков у собственности физической, поэтому даже сам термин «собственность» («property» в данном контексте) для интеллектуальной собственности становится, по выражению Т. Дрейера, лишь красивой метафорой¹³.

Однако современная цифровая жизнь удивительным образом дает основания отложить «похороны» проприетаризма. Если в XV–XVI вв. робкой защитной реакцией (судя по ее результативности) авторов-правообладателей на станок Гутенберга стало массовое использование рукотворных сигнатур, то в эпоху цифровизации таким ответом, довольно долго готовившимся, предваренным постепенным развитием информационных систем, — становятся NFT. Как уже было показано, невзаимозаменяемые токены выступают не просто техническим средством защиты от копирования, они создают самостоятельную стоимость, хотя и частично зависимую от базисного интеллектуального актива, но вполне достаточную для появления, по сути, нового оборотоспособного товара — производного объекта торговых сделок. NFT при этом способны адекватно раскрыть и внутренний, и внешний аспекты отношения собственности (или положительную и отрицательную конструкцию права собственности, если следовать изложению А. А. Пиленко¹⁴): владельцы NFT могут и в полной мере определять их правовую судьбу (отчуждение бесповоротно перераспределяет уникальные объекты и власть над ними между субъектами, исключая информационные лазейки неконтролируемого сохранения объекта у первоначального владельца), и абсолютным образом устранять всех третьих лиц от посягательств, что технологически обеспечивается информационной системой на основе блокчейна. Таким образом, «соперничество» и «дефицитность» невзаимозаменяемого токена не сопоставимы с «соперничеством» и «дефицитностью» результата интеллектуальной деятельности. Если у субъекта А есть подобный уникальный токен, предоставляющий доступ к песне или фотографии, то его точно нет у субъекта В, а вот если у А есть просто песня или фотография, то нет никаких гарантий, что они уже не растиражированы у В на всевозможных носителях в цифровой

¹² Rahmatian, A. (2011). Intellectual property and the concept of dematerialised property. In S. Bright (Ed.), *Modern Studies in Property Law* (Vol. 6, pp. 361–383). Hart Publishing. <https://ssrn.com/abstract=1917950>

¹³ Dreier, T. (2013). How much “property” is there in intellectual property?: The German civil law perspective. In J. Griffiths (Author) & H. Howe (Ed.), *Concepts of Property in Intellectual Property Law* (pp. 116–136). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107300880.007>

¹⁴ Пиленко, 1903.

форме, пусть и «для личного пользования». Именно такое поведение субъекта В в отношении не только результатов интеллектуальной деятельности, но и вообще любых цифровых объектов — главная угроза для их законных обладателей, поэтому NFT выглядят невероятной находкой для информационного капитализма¹⁵.

Можно ли в связи с этим сказать, что интеллектуальная собственность обрела, наконец, свой буквальный смысл, а проприетаризм — перестал основываться на метафорах и законе конструкционной экономики? И да, и нет. Трудно спорить с тем, что NFT — новое слово в абсолютных отношениях цифровой среды и даже, возможно, новое «знамя» проприетарных концепций в эпоху цифровизации. Однако сами результаты интеллектуальной деятельности не перерождаются в новой форме объективного выражения (это все так же нематериальная цифровая форма), а лишь приобретают практичный и притягательный способ существования — своего рода идеальную «клетку», пусть и намного более эффективную, чем традиционный материальный оригинал произведения. Спрятавшись за нее, они утрачивают в этом своем состоянии объектную самостоятельность, становясь базисным активом NFT и символом лишь некоторой части ценности таких токенов. Так же, как извечно существовавшие в материальном мире оригиналы не превращали сами произведения в вещи, современные NFT неспособны существенно изменить природу своих базисных активов, однако в качестве хоть и производных, но самодостаточных объектов — действительно заставляют задуматься о цифровом торжестве проприетаризма. Для информационного капитализма это может означать отказ от весьма дискуссионной экспансии интеллектуальной собственности: нет такой насущной необходимости в распространении на явления цифровой реальности правовых конструкций хорошо знакомой, но метафорической «intellectual property», если технологический уровень позволяет создать цифровые эквиваленты вещей.

Сведения об авторе:

Долганин А.А. — кандидат юридических наук, ассистент кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

al.dolganin@gmail.com

Information about the author:

Alexander A. Dolganin — Ph.D. in Law, Assistant Professor, Chair of Commercial Law and Basics of Legal Method, Lomonosov State University, Moscow, Russia.

al.dolganin@gmail.com

¹⁵ Подробнее об интеллектуальной собственности в условиях информационного капитализма см.: Cohen, J. E. (2019). *Between truth and power: The legal constructions of informational capitalism*. Oxford University Press.

СТАТЬИ

РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Я.С. Флигер

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Аннотация

Выражение мнений в сети «Интернет» имеет ряд особенностей по сравнению с традиционными средствами распространения информации. Во-первых, применение классических мер юридической ответственности может быть затруднено в силу особенностей кибер-пространства: анонимности и стирания юрисдикционных границ. В этой связи появился новый механизм ограничений, который заключается в изъятии по указанию государственных органов из просторов сети той информации, которая нарушает законодательство или права других граждан. При этом тенденциями в данной сфере являются преобладание административного порядка принятия решений об изъятии информации из общественного доступа, использование неопределенных и оценочных терминов в качестве оснований для ограничений. Во-вторых, в большинстве случаев в процессе реализации свободы слова задействованы посредники — компании, которые и предоставляют публичный форум миллионам пользователей. Деятельность указанных компаний также связана с новыми механизмами ограничения свободы слова: начиная от блокировки контента, до удаления аккаунтов пользователей. При этом на таких компаниях лежит ответственность двойственного характера: осуществлять контроль за размещением контента в целях недопущения злоупотреблений свободой слова и не допускать нарушений свободы выражения мнений собственными корпоративными правилами. Целью настоящей статьи является выявление посредством метода аналитической юриспруденции возникающих проблем при ограничении свободы слова, реализуемой в цифровой среде, и установление причин их появления. Для этого автором осуществлен обзор российского законодательства и практики его применения, а также практики применяемых ограничений со стороны интернет-корпораций и анализ иностранной литературы.

Ключевые слова

цифровая среда, ограничения свободы слова, распространение информации, блокировка сайтов, модерирование контента

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Флигер, Я. С. (2021). Реализация свободы слова в цифровой среде. *Цифровое право*, 2(3), 55–70. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-55-70>

Поступила: 19.08.2021; принята в печать: 24.09.2021; опубликована: 30.09.2021

ARTICLES

THE REALIZATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH ON THE INTERNET

Iana S. Fliter

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

Abstract

The expression of opinions on the Internet has a number of features in comparison with traditional means of information dissemination. Firstly, imposition of classical measures of legal liability can be difficult due to the peculiarities of cyber space: anonymity and erasure of jurisdictional boundaries. In this regard, a new mechanism of restrictions has appeared, which consists in the withdrawal of information that violates the law or the rights of other citizens from the Internet at the direction of state bodies. The trends in this area are the predominance of the administrative procedure for making decisions on the withdrawal of information from public access, and the use of vague and evaluative terms as grounds for restrictions. Secondly, in most cases, in the process of realizing freedom of speech, intermediaries are involved — companies that provide a public forum for millions of users. The activities of these companies are also associated with new mechanisms for restricting freedom of speech: from blocking content to deleting users' accounts. Such companies have a dual responsibility: to monitor the placement of content in order to prevent abuse of freedom of speech and to prevent violations of freedom of expression with their own corporate rules. The purpose of this article is to identify, through the method of analytical jurisprudence, the problems that arise when restricting freedom of speech, implemented in the digital environment, and to establish the reasons for their occurrence. To do this, the author has carried out a review of Russian legislation and the practice of its application, as well as the practice of restrictions, applied by corporations, and an analysis of foreign literature.

Keywords

digital environment, restrictions on freedom of speech, dissemination of information, blocking sites, content moderation

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Fliter, I. S. (2021). The realization of the right to freedom of speech on the Internet. *Digital Law Journal*, 2(3), 55–70. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-55-70>

Submitted: 19 Aug. 2021, accepted: 24 Sept. 2021, published: 30 Sept. 2021

Развитие современных информационных технологий оказывает двойственное влияние на правоотношения, складывающиеся при реализации свободы слова. Так, интернет предоставил публичный форум для миллионов людей, и возможности быстрого, всеохватывающего и зачастую анонимного распространения информации значительно увеличились. Одновременно Интернет стал крупнейшей платформой для злоупотребления правом на свободу слова. Массовость совершаемых в нем нарушений прав других пользователей, обусловленная легким доступом к платформам, позволяющим выражать свое мнение, требует особых мер реагирования и введения новых специфических ограничений.

Первая группа таких ограничений традиционно исходит от государства.

Ведение Роскомнадзором Единого реестра

Положения действующего с 2006 года Закона об информации изначально практически не регулировали использование информационно-телекоммуникационных сетей, за исключением имеющей общий характер статьи 15 Закона об информации.

В 2012 г. вступила в силу ст. 15.1 Закона об информации, которая закрепила за Роскомнадзором обязанность ведения Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено (далее — Реестр).

Порядок ограничения доступа выглядит следующим образом. После получения уведомления от оператора реестра провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им владельца сайта, который обязан удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, в ином случае провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту. В случае непринятия провайдером хостинга и (или) владельцем сайта в сети «Интернет» указанных мер, в реестр включается сетевой адрес соответствующего сайта, после чего оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обязан ограничить доступ к такому сайту в сети «Интернет».

Основанием для внесения сайта в Реестр может являться судебное решение, постановление судебного пристава-исполнителя или решение уполномоченного федерального органа исполнительной власти. В качестве последнего может выступать Министерство внутренних дел РФ, Роспотребнадзор, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, Федеральное агентство по делам молодежи и Роскомнадзор¹. Стоит подчеркнуть, что указанные органы не вправе самостоятельно определять, какая именно информация является запрещенной: законодатель ограничил сферу их усмотрения той информацией, распространение которой запрещено законом, например, информация о способах совершения самоубийства, или информация о способах изготовления наркотических средств. Однако уполномоченные органы вправе самостоятельно определять, противоречит ли та или иная информация установленным в законодательстве запретам, что создает правовое основание для широкого усмотрения правоприменителя. Кроме того, при внесении сайтов в Реестр Роспотребнадзор ориентируется не только на весьма широкие формулировки Закона

¹ Постановление Правительства Российской Федерации [Собрание законодательства Российской Федерации]. 2012, № 1101.

об информации, но и на критерии оценки информации, которые развивают законодательные положения².

Согласно данным Роскомсвободы (<https://reestr.rublacklist.net>), по состоянию на август 2021 года в Реестр на основании судебного решения внесено 118 147 сайтов, на основании решения Генпрокуратуры — 42 283, Минцифры — 30 002, Роскомнадзора — 22 331, МВД — 20 049, Росздравнадзора — 4177, Роспотребнадзора — 1448, Росмолодежи — 96³.

Что касается судебного порядка включения в Реестр, в силу расплывчатой законодательной формулировки, в правоприменительной практике встречаются основания, напрямую не следующие из норм законов, регулирующих распространение информации. Так, в обоснование требований о включении в Реестр сайта, на котором размещены сведения о криптовалюте, прокурором было заявлено, что такая криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью, отсутствует информация о ее держателях, а процесс ее выпуска и обращения децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, что противоречит Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» и Закону об информации⁴.

Еще одной проблемой является отсутствие обязанности по привлечению в качестве участника дела самого заинтересованного лица — владельца сайта или распространителя информации, в результате чего апелляционные жалобы таких лиц оставляются без рассмотрения, как исходящие от лиц, не имеющих права апелляционного обжалования⁵. Данный пробел восполняется указаниями Верховного суда РФ, который отметил, что администратор (владелец) доменного имени, а также владелец сайта, заявляющий о нарушении своих прав, признается лицом, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются указанным решением суда⁶.

Существующие в российской правоприменительной практике проблемы за последнее время несколько раз поднимались в Постановлениях Европейского суда по правам человека (далее также — ЕСПЧ). Дело «Мария Алехина и другие против России» стало первым рассмотренным ЕСПЧ делом о блокировке информации в Интернете против России⁷. В данном деле решение о запрете доступа к видеороликам было принято российским судом без участия заявителей, что и стало

² Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, МВД России, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службы от 18 мая 2017 г. № 84/292/351/ММВ-7-2/461 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

³ https://reestr.rublacklist.net/?status=1&gov=33&paginate_by=50 (Дата обращения: 31.08.2021 г.)

⁴ П. 42 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018).

⁵ Определение Верховного суда РФ от 20 апреля 2018 г. по делу № 78-КГ17-101.

⁶ П. 42 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018).

⁷ *Mariya Alekhina and Others v. Russia*. App no. 38004/12, ECHR, 2018, par. 263–264.

одной из причин удовлетворения жалобы, наряду с отсутствием в судебном решении точного указания на основание вмешательства.

ЕСПЧ установил нарушение ст. 10 Европейской Конвенции по правам человека и в Постановлении по делу «Энгельс против России», в котором был рассмотрен вопрос о правомерности принятого на основании п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации судебного решения о блокировке страницы, посвященной способам обхода блокировок. Как указал ЕСПЧ, положения Закона об информации о том, что основанием для блокировки может стать «решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено» являются крайне широкими, и столь неопределенно сформулированная правовая норма не удовлетворяет критерию предсказуемости. ЕСПЧ особо отметил, что средства обхода блокировок невозможно приравнять к инструментам для доступа к экстремистскому контенту.

В Постановлении по делу «Булгаков против России» ЕСПЧ также установил нарушение ст. 10 Конвенции и отметил следующие проблемы: блокировка всего сайта целиком, отсутствие законных оснований для ограничения доступа к сайту, отсутствие законной процедуры участия владельца сайта в рассмотрении иска о блокировке и оповещения владельца сайта о вынесенном решении. Как отметил ЕСПЧ, привлечение в деле о блокировке сайта в качестве ответчика только провайдера лишило процесс состязательности, так как он осуществляет лишь техническую функцию по обеспечению доступа ко множеству сайтов, не осведомлен подробно об их содержании и не имеет правовых ресурсов для защиты каждого сайта.

В деле «Харитонов против России» владелец сайта заявлял о нарушении ст. 10 Конвенции на том основании, что его сайт был недоступен по причине совпадения его IP-адреса с ранее заблокированным сайтом. Как указал ЕСПЧ, ст. 15.1 Закона об информации предоставляет Роскомнадзору широкие полномочия, но не обязывает его в случае необходимости блокировки по IP проверять, используется ли этот IP-адрес другими сайтами. Следовательно, данная норма сформулирована так широко, что несет риск безосновательной и чрезмерной блокировки не только незаконного контента. ЕСПЧ отметил также, что Реестр, который ведет Роскомнадзор, не дает доступа к решениям о блокировках, в нем не указываются причины запрета и не даются сведения о способах обжалования. Наконец, ЕСПЧ также отметил, что закон не определяет порядок уведомления третьих лиц, правам которых блокировка может нанести сопутствующий ущерб. По итогам рассмотрения дела ЕСПЧ признал Россию нарушившей ст. 10 Конвенции.

Выявленные проблемы действительно сопровождают российскую правоприменительную практику по делам о блокировке ресурсов. Так, около 97 % ресурсов блокируются в связи с совпадением их IP-адресов с теми, на которых расположены сайты с запрещенной информацией. Данная проблема становилась предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ, который однако указал, что права владельцев сайтов, не содержащих запрещенной к распространению в России информации, оказались затронуты не решением о включении сетевого адреса в соответствующий реестр, а ненадлежащими действиями (бездействием) обслуживающего их провайдера хостинга⁸.

Ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, по решению Генеральной прокуратуры

Введенная в 2013 году ст. 15.3 Закона об информации направлена на ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, а именно, информации, которая

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1759-О.

содержит призывы к массовым беспорядкам и участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, а также осуществлению экстремистской деятельности. Впоследствии к категории запрещенных были отнесены также материалы иностранных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ, а также недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающая угрозу определенным значимым ценностям.

В случае обнаружения указанной информации Генеральный прокурор или его заместители обращаются в Роскомнадзор с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, которые распространяют эту информацию. По данной категории дел установлен схожий порядок ограничения доступа. После получения требования от Роскомнадзора оператор связи обязан незамедлительно ограничить доступ к информационному ресурсу. Провайдер хостинга уведомляет владельца информационного ресурса о необходимости незамедлительно удалить распространяемую с нарушением закона информацию, в противном случае он самостоятельно ограничивает доступ к соответствующему информационному ресурсу. Оператор связи возобновляет доступ к информационному ресурсу после того, как Роскомнадзор направляет в его адрес соответствующее уведомление по итогам проверки сообщения от владельца нового ресурса об удалении информации.

Аналогичный механизм ограничения доступа к информации установлен и во введенной в 2019 г. ст. 15.1-1 Закона об информации: в случае обнаружения в сети «Интернет» информации, проявляющейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, выражает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, Генеральный прокурор РФ или его заместители обращаются в Роскомнадзор с требованием о принятии мер по удалению указанной информации и по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию, в случае ее неудаления. В случае непринятия провайдером хостинга или владельцем информационного ресурса мер для ограничения распространения информации, меры по ограничению доступа к данному информационному ресурсу принимают операторы связи. Стоит отметить, что указанное требование об удалении такого рода информации аккомпанирует ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за распространение в сети «Интернет» вышеуказанной информации.

ЕСПЧ был рассмотрен также целый ряд дел, касавшихся ограничений по ст. 15.3 Закона об информации. Так, обстоятельства дела «ООО “Флавус” и другие против России» заключались в следующем. Генпрокуратура направила в Роскомнадзор запрос о блокировке сайтов интернет-СМИ, принадлежащих Заявителям, указав, что на данных сайтах выявлен общий уклон в сторону освещения проводящихся в России несогласованных публичных мероприятий. Роскомнадзор соответственно заблокировал доступ к сайтам и потребовал от поставщиков веб-услуг удалить противоправный материал, в обоснование указав на наличие призывов к экстремизму. Заявители ходатайствовали о судебном пересмотре меры по сплошной блокировке доступа к сайтам, однако в удовлетворении их требований было отказано.

ЕСПЧ указал, что мера, мешавшая посетителям сайтов Заявителей получить доступ к их контенту, равносильна вмешательству государственного органа в осуществление права на получение и распространение информации. ЕСПЧ отметил также ряд процедурных нарушений. Так, в требовании Генпрокуратуры о блокировке, и в уведомлении от Роскомнадзора указывались различные основания для ограничения доступа. Также в уведомлении Роскомнадзора

указывался домен всего сайта в нарушение требований п. 2 ст. 15.3 Закона об информации, согласно которому должен указываться URL веб-страницы, позволяющий найти противозаконный контент. Такое нарушение, в том числе лишало Заявителей возможности исправить нарушение через удаление противоправного контента.

ЕСПЧ был обеспокоен также содержательной составляющей блокировок. ЕСПЧ принял во внимание, что заявители являются владельцами интернет-СМИ, в которых они освещали, в том числе судебные разбирательства и аресты в связи с публичными мероприятиями в 2012 г. Выражение поддержки людям, которым были предъявлены обвинения в связи с несогласованными публичными мероприятиями, нельзя расценивать как призывы к несанкционированным публичным мероприятиям. На основании этого Суд пришел к выводу, требование Генпрокуратуры не имело действительного основания, было произвольным и явно неумеренным. На основании изложенного ЕСПЧ установил, что вмешательство не соответствовало порядку, установленному в национальном законодательстве, и вступало в конфликт с требованием законности. Однако Суд решил продолжить рассмотрение дела с тем, чтобы установить, преследовала ли блокировка доступа к сайтам законную цель и могла ли она рассматриваться как «необходимая в демократическом обществе».

Суд указал, что массовая блокировка доступа к сайту является крайней мерой, которую можно сравнить с запретом газеты или телеканала. Даже при наличии исключительных обстоятельств, оправдывавших блокировку противозаконного контента, меру блокировки доступа ко всему сайту необходимо обосновывать отдельно. Блокировка интернет-СМИ или сайтов на том основании, что они критикуют правительство или политическую систему, не может считаться необходимым ограничением свободы выражения мнения, следовательно, распоряжения о массовых блокировках сайтов не преследовали никакой законной цели. Меры по блокировке, принятые перед тем, как было принято судебное решение о противозаконности опубликованного контента, были равнозначны предварительному ограничению.

ЕСПЧ указал, что российское законодательство не предоставляло владельцам интернет-СМИ никаких процессуальных механизмов для защиты от произвольного вмешательства по ст. 15.3 Закона об информации. Во-первых, закон не предусматривает какой-либо формы участия владельцев сайта в разбирательствах о блокировках. Решения Генпрокуратуры и Роскомнадзора осуществлялись без уведомлений сторон, чьи права и интересы могли быть затронуты. Заявителям были неизвестны основания для требования о блокировке до тех пор, пока доступ к их сайтам не был заблокирован, и они не обратились с ходатайством о судебном пересмотре. Во-вторых, закон не требовал от органов власти проведения оценки воздействия мер по блокировке до их применения или обоснования срочности их немедленного выполнения без предоставления заинтересованным сторонам возможности удалить противозаконный контент или направить ходатайство о судебном пересмотре. В-третьих, меры по блокировке не были санкционированы судом.

Закон об информации не требует от органов власти обоснования необходимости и соразмерности вмешательства в свободу выражения мнения посредством или анализа возможности применения альтернативных, менее ограничительных мер. Также не требуется установления того, что мера по блокировке направлена именно на противозаконный контент и не имеет произвольных или чрезмерных последствий. По итогам рассмотрения дела ЕСПЧ установил нарушение ст. 10 Конвенции.

В схожем деле «Каблис против России» заявитель жаловался на то, что блокировка его учетной записи в социальной сети, а также трех записей в его блоге, которые призывали к участию

в несанкционированном публичном мероприятии, нарушила его право на свободу выражения мнения. Ограничение доступа к учетной записи в социальной сети Заявителя привела к блокировке доступа и к другим опубликованным материалам, которые не были признаны незаконными. ЕСПЧ выразил обеспокоенность относительно цели и основания ограничений. Так, ЕСПЧ указал, что из формулировки закона, не уточненной в административной и судебной практике следует, что любое, даже небольшое и безобидное нарушение порядка проведения публичных мероприятий, может послужить основанием для принятия Генеральным прокурором решения заблокировать доступ к публикациям в интернете, содержащим призывы к участию в этом мероприятии. В настоящем деле доступ был ограничен лишь потому, что публикации заявителя призывали к участию в мероприятии, место проведения которого не было утверждено властями. Однако тот факт, что Заявитель нарушил установленный законом запрет, призвав к участию в публичном мероприятии, проводимом в нарушение установленного порядка, сам по себе не является достаточным для того, чтобы оправдать вмешательство в его право на свободу выражения мнения. Вопрос о необходимости блокировки рассматриваемых публикаций в демократическом обществе должен быть рассмотрен с учетом фактов и обстоятельств конкретного дела.

ЕСПЧ также указал, что ст. 15.3 Закона об информации не обязывает Генерального прокурора проверять является ли блокировка всего сайта или веб-страницы, а не какой-либо конкретной информации, опубликованной там, необходимой мерой. Вместе с тем такое обязательство вытекает из ст. 10 Конвенции и прецедентного права учреждений Конвенции. Суд считает, что в делах, касающихся предварительных ограничений, наложенных на публикации, которые призывают к участию в публичном мероприятии, должна существовать возможность получить судебный пересмотр блокировки до даты запланированного публичного мероприятия, о котором идет речь.

Ограничения свободы слова через интернет-корпорации

Как известно, особенностью отношений, складывающихся при реализации свободы слова в XXI веке, стала их многосубъектность. К первой группе участников все так же относится государство, а также международные организации, которые способны осуществлять регулирование и контроль в сфере реализации гражданами свободы слова. Обязанность государства защищать право на свободу выражения мнений включает в себя обязательство продвигать это право и обеспечивать среду, в которой оно может эффективно осуществляться без чрезмерного ограничения (Kuczerawu, 2017) Отдельные спикеры и традиционные средства массовой информации по-прежнему представляют вторую сторону отношений. Новый субъект в таких отношениях — это компании, составляющие интернет-инфраструктуру: социальные сети, поисковые системы, интернет-провайдеры, система доменных имен, службы кибербезопасности. (Balkin, 2018).

Указанные интернет-компании оказывают существенное влияние на действия и мнения людей. Исследования показывают, что диссонанс между собственным мнением лица и мнением большинства наиболее сильно влияет на вероятность того, что данное лицо выразит свое мнение в Интернете, вопреки расхожей точки зрения, что на это влияет банальная доступность информации в онлайн (Murray & Fussey, 2019). Таким образом, платформы могут массово провоцировать субъектов на выражение собственного мнения как для достижения тех или иных целей, так и для повышения собственной внутренней учетной статистики, что конечно же является манипуляцией, но никак не регулируется законодательством.

В целях правового регулирования свободы слова и контроля за ее реализацией гражданами государство перекачивает часть своих полномочий на интернет-компании, поскольку последние обладают большими мощностями для проведения той или иной политики. Так, встречается мнение, что роль государства сводится к обозначению рамок регулирования отношений в интернет-пространстве, а публично установленные нормы должны дополняться инициативами саморегулирования; в частности, подходящим инструментом могут быть руководящие принципы, определяющие нормативную базу для действий, выполняемых «владельцами» или «контролерами» автоматизированных платформ (Weber, 2020). Вследствие этого современное регулирование свободы слова предполагает не только государственный контроль государства за самими спикерами, но и оказание государственного влияния, или же государственной поддержки интернет-компаниям с тем, чтобы последние осуществляли контроль за реализацией свободы слова в интернет-пространстве (Balkin, 2018).

Немаловажно отметить и факт размывания географических границ в цифровом пространстве: государственная юрисдикция попросту не может распространяться на всю территорию деятельности интернет-компаний, что в значительной степени выводит из их под сферы влияния государства (Stepanov & Nektov, 2021).

Указанные тенденции нашли прямое отражение в Российской Федерации: осуществление некоторых ограничений свободы слова с 2016 г., 2017 г. и 2020 г. возложено соответственно на владельцев новостных агрегаторов⁹, аудиовизуальных сервисов и социальных сетей¹⁰. Так, они обязаны не допускать использование своих ресурсов в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань. Помимо запрещающих норм встает вопрос о том, что государство должно развивать и направление регуляторных норм в отношении интернет-корпораций. Так, например, до сих пор не ясно остается ли «дверь открытой» для государственного регулирования политической онлайн-рекламы и практики настройки рекламы и данных на конкретные группы населения, где это необходимо для защиты демократических процедур в рамках избирательного права от искажений (Dobber, 2019).

⁹ Владелец программы для электронных вычислительных машин, владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», которые используются для обработки и распространения новостной информации в сети «Интернет» на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более одного миллиона пользователей сети «Интернет».

¹⁰ Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации.

Как следует из ч. 1 ст. 10.4 и ч. 1 ст. 10.6 Закона об информации, владелец новостного агрегатора и владелец социальной сети, обязаны, в том числе не допускать распространение новостной информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями; не допускать распространение новостной информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства.

Специфика осуществляемой владельцами социальных сетей деятельности предопределила также ряд индивидуальных обязанностей: владелец социальной сети обязан также соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций; осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления запрещенной законодательством информации, например, информации о способах совершения самоубийства, или информации о способах изготовления наркотических средств.

В 2021 г. в России на целый ряд технологических корпораций государственными органами действительно были наложены обязательства по мониторингу контента их пользователей. Так, в январе 2021 г. в социальных сетях начали появляться призывы к участию в несогласованных публичных мероприятиях, в связи с чем Генпрокуратура направила в Роскомнадзор указание об ограничении доступа к ресурсам, в которых размещаются подобные сообщения¹¹. Роскомнадзор направил соответствующие требования администрациям «ВКонтакте»¹² и TikTok¹³. 23 января на официальном сайте Роскомнадзора было опубликовано сообщение о том, что на текущий момент всего удалено 89 % сообщений от числа выявленных.

Думается, что эффективное взаимодействие контрольного органа и социальных сетей обусловлено в первую очередь возможностью привлечения владельцев сайтов к административной ответственности за нарушение порядка ограничения доступа к запрещенной информации. Так, ч. 1 и ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ предусматривают санкцию для юридических лиц в виде административного штрафа в размере от восьмисот тысяч до четырех миллионов рублей. Однако, принятых мер оказалось недостаточно, и Роскомнадзор направил в суд протоколы об административном правонарушении в отношении Facebook, Instagram, Twitter, «ВКонтакте», «Одноклассники», YouTube¹⁴. Наиболее злостным нарушителем является социальная сеть Twitter, которая с 2017 не удалила 2862 материала с запрещенной информацией по 28 тысячам требований об удалении от Роскомнадзора¹⁵. Компания Google LLC уже оплатила штраф в размере 3 млн рублей за неисполнение требований в соответствии с ч. 2.1 ст. 13.40 КоАП РФ¹⁶.

Возможность наложения мер юридической ответственности на интернет-компании за недостаточное регулирование правил реализации свободы слова и нарушение прав других пользователей рассматривалась также и ЕСПЧ. Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что привлечение новостного интернет-портала к ответственности за причинение морального вреда третьим лицам вследствие публикации пользователями портала оскорбительных комментариев при определенных обстоятельствах не свидетельствует о нарушении права

¹¹ <https://t.me/genprocrf/737>

¹² <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73298.htm>

¹³ <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73294.htm>

¹⁴ <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73448.htm>

¹⁵ <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73436.htm>

¹⁶ <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73468.htm>

на свободное распространение информации, гарантированного статьей 10 Конвенции¹⁷. Весьма строгий подход Большой Палаты к деятельности крупного коммерческого новостного портала отчасти компенсируется специальными оговорками. Во-первых, выводы, содержащиеся в постановлении, применимы именно к новостным интернет-порталам, и не касаются дискуссий в социальных сетях, на форумах и в блогах. Во-вторых, привлечение интернет-портала к ответственности было связано с непринятием должных мер в отношении явно незаконных комментариев, возбуждающих вражду и призывающих к насилию («язык вражды») и, соответственно, не пользующихся защитой статьи 10 Европейской Конвенции по правам человека. Особенно стоит отметить, что под должными мерами Суд понимает незамедлительное удаление новостным интернет-порталом спорных комментариев непосредственно после их публикации, а не отсутствие предмодерации комментариев.

Частноправовые механизмы ограничения свободы слова

Интернет-компании могут осуществлять то или иное регулирование правил поведения пользователей и без санкционирования со стороны государства, самостоятельно устанавливая некоторые ограничения свободы слова, или развивая законодательные положения. При этом хоть в сети Интернет и присутствует русскоязычный сегмент, преобладают в нем, безусловно, англоязычные сообщества и платформы, которые устанавливают политику на основе собственной терминологии. Сама структура Интернета сопротивляется централизованному управлению, в то время как возможности, которые она предоставляет для выражения, означают, что даже голоса с очень небольшой аудиторией могут быть услышаны (Land, 2020). В действительности управление мнениями в онлайн выглядит гораздо более монолитным. Во многом это является результатом частной «законотворческой» деятельности интернет-посредников. Изменение привычной формы правового регулирования интернет-пространства еще раз свидетельствует об утрате решающей роли суверенитета государства и возможности применения государственного аппарата принуждения (Stepanov & Nektov, 2021).

Так, компания Facebook в разработанных Нормах сообщества устанавливает ограничения свободы выражения мнений, которые коррелируют установленным в российском законодательстве ограничениям свободы слова или отраслевым запретам какого-либо поведения¹⁸. Например, ограничения касаются пропаганды причинения физического вреда, насильственного поведения, самоубийства, сексуальной эксплуатации детей, совершенных враждебных действий по отношению к другим людям, и т. д.

Тем не менее некоторые положения, установленные в национальном законодательстве, находят отражение в Нормах сообщества в несколько видоизмененном, расширенном варианте. В частности, Facebook предлагает следующее понимание враждебных высказываний: прямые нападки на людей, мотивированные характеристиками, подлежащими защите от дискриминации. Под нападками понимаются агрессивные или унижающие человеческое достоинство высказывания, вредные стереотипы, утверждения о неполноценности, выражение презрения, отвращения или неприятия, ругательства, а также призывы к изоляции или сегрегации.

Кроме того, можно выделить следующие проблемы регулирования, устанавливаемого в Нормах сообщества. Во-первых, наблюдается явная проблема с ясностью: документы написаны в стиле, не предназначенном для чтения или понимания пользователями. Впрочем,

¹⁷ Delfi AS v. Estonia, app. no 64569/09, ECHR, Grand Chamber, 2015.

¹⁸ URL: <https://www.facebook.com/communitystandards/introduction> (Дата обращения: 30.08.2021).

пользователи сайтов социальных сетей в подавляющем большинстве не читают Нормы сообщества. Во-вторых, мало того, что Нормы сообщества часто неясны, все они могут быть изменены в одностороннем порядке по решению платформы. Примерно половина платформ взяла на себя определенную ответственность за информирование пользователей об изменении Норм посредством электронной почты или уведомления, размещенного на самом сайте. Только Facebook предоставлял пользователям возможность просматривать и комментировать изменения до того, как они вступят в силу, но к настоящему времени эта компания уже отказалась от демократического механизма голосования (Suzor, 2018). Примечательно, что некоторые платформы не обязуются уведомлять об изменениях, вместо этого требуя от пользователей нести ответственность за постоянную самостоятельную проверку юридических условий с целью выявления их возможных изменений.

Стоит отметить также, что в связи с распространением коронавирусной инфекции платформами был введен целый ряд новых ограничений. В частности, такие ограничения направлены на борьбу с дезинформацией, то есть с заявлениями, которые по мнению органов здравоохранения являются ложными и могут способствовать созданию непосредственной угрозы причинения физического вреда. Например, к подлежащему ограничению относится контент, заявляющий о: связи заражения COVID-19 с технологиями связи 5G; наличии иммунитета к COVID-19 у представителей какой-либо группы; существовании какого-либо гарантированного средства профилактики или лечения COVID-19 до одобрения такого средства; несостоятельности ношения маски для лица для помощи в предотвращении распространения COVID-19; отрицании существования заболевания COVID-19 или его пандемии; и др. В числе последствий неоднократного опубликования дезинформации о COVID-19, вакцинах и здравоохранении — ограничение распространения, удаление из рекомендаций или удаление с сайта. Но все-таки, так или иначе технологи для контроля контента на интернет-платформах без человеческого надзора могут помешать использованию свободы слова членами общества, (Oliva, 2020) так как часто оценивают разные данные в качестве враждебных вне контекста. В литературе имеет место предложение, которое заключается в том, что платформы должны избегать систем, в которых модерация отдельных сообщений выполняется сотрудниками платформы или ИИ, так как необходима проектировка и внедрение систем, в которых эта задача выполняется исключительно самими пользователями (Hartmann, 2020).

Проводя аналогию между данными ограничениями дезинформации и установленными в российском законодательстве ограничениями недостоверной информации, следует отметить следующее. Установленные в Правилах сообщества ограничения представляют собой стройную систему подробных правил, позволяющую любому пользователю оценить риски ограничения его публикации. Вместе с тем такие ограничения затрагивают практически любой аспект коронавирусной инфекции, критерии дезинформации устанавливаются в зависимости от позиций органов здравоохранения, а конкретные меры ограничения вводятся на основании решений сотрудников сторонних организаций по проверке фактов. Представляется, что такое корпоративное регулирование может привести к ограничению мнений, не соответствующих разделяемым руководством компании.

Регистрируясь в социальной сети, пользователь принимает ее условия использования, которые содержат правила цифрового поведения и налагают определенные ограничения на свободу слова. Поскольку принимаемые интернет-компаниями меры могут приводить к нарушению свободы выражения мнений, представляется, что должна быть доступна процедура проверки

их легитимности, что вписывается в концепцию позитивных обязательств государства по ст. 10 Европейской конвенции о правах человека.

В социальной сети Instagram было удалено более 500 аккаунтов, которые призывали пользователей не ходить на несогласованные публичные мероприятия¹⁹. Facebook также заблокировал новостное сообщение ТАСС о задержании сторонников украинской радикальной организации, которое было основано на официальных данных ФСБ и Следственного комитета²⁰. Таким образом, право на свободу слова ограничивается компаниями, основной целью деятельности которых является предоставление платформы для выражения мнений и коммуникации, по причине несоответствия точек зрения на те или иные политические или общественно значимые события.

Сегодня учеными предлагается следующая правовая структура регулирования ограничения свободы слова интернет-корпорациями, которая заключается в поэтапном делении процедуры ограничения. Так, процесс модерации контента разделен на три части: система уведомлений, принятие решений и возмещение ущерба. Во-первых, этап уведомления включает в себя процесс, посредством которого пользователи узнают о различных этапах процедуры модерации контента, когда пользователь является поставщиком уведомлений или поставщиком контента. Во-вторых, этап принятия решения касается причин и последствий удаления или блокировки контента. В-третьих, на этапе возмещения ущерба пользователи могут запрашивать у онлайн-платформ пересмотр первого решения при соблюдении определенных условий (De Gregorio, 2020).

Пожалуй, наиболее серьезным ограничением свободы слова в сети Интернет со стороны интернет-компаний является отказ в доступе к публичному форуму, например, удаление аккаунта в социальной сети, поскольку это ведет к невозможности реализации субъектом своего права на свободу слова. Такое ограничение, как правило, направлено на защиту иных ценностей и прав других людей, что, однако, не исключает, что такие цели могут иметь и политическую окраску. Так, аккаунты действующего в то время Президента США Дональда Трампа в Facebook и Instagram были заблокированы до окончания срока его полномочий со ссылкой на то, что президент своими публикациями пытается подорвать мирный переход власти²¹.

Однако в некоторых случаях возможно восстановить нарушенное технологическими корпорациями право на свободу слова в судебном порядке. Так, по решению компании Google LLC просмотр документального фильма-расследования «Беслан», размещенного на официальном канале YouTube телеканалом «Россия 1» (ВГТРК) возможен только авторизованным пользователям, которые перед просмотром предупреждаются о том, что «Следующий контент был идентифицирован сообществом YouTube как неподходящий или оскорбительный для некоторых аудиторий. Принимайте решение самостоятельно». Удовлетворяя иски о требованиях прокурора об устранении указанных ограничений, суд указал, что ответчик нарушил требования закона о свободном получении информации, допустил цензуру средства массовой информации. Суд отметил, что ответчик — компания Google LLC — не является обладателем информации и потому не наделен правом разрешать или ограничивать доступ к информации, определять какие-либо признаки доступа к информации. Сведения, содержащиеся в фильме «Беслан», не относятся к информации, распространяемой с нарушением закона²².

¹⁹ URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/422569-instagram-udalil-530-akkauntov-za-popytki-vvesti-v-zabluzhdenie-na-fone-akcii>

²⁰ URL: <https://rg.ru/2021/03/07/facebook-zablokiroval-stati-rossijskih-smi-ob-ukrainskih-neonacistah.html>

²¹ URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2021/01/08/n_15461966.shtml

²² Апелляционное определение Московского городского суда от 24.02.2021 по делу № 33-4391/2021.

Помимо того, что регулирование свободы слова в сети интернет затрагивает самих спикеров, то есть лиц, реализующих право на свободу слова, оно также в определенной мере влияет на лиц, которые реализуют свое право на свободу мысли и свободу доступа к информации. На информационных платформах в сети интернет заданные алгоритмы этих платформ могут предоставлять информацию пользователям определенным образом, как бы фильтруя ее. Это обосновывается тем, что настройки платформ по умолчанию требуют согласия на «системы персонализации платформы». В научной литературе данный аспект деятельности платформ вызывает обеспокоенность, в связи с чем констатируется, что законодателем могла бы быть предложена мера, влияющая на автономность пользователей интернет-платформ, путем введения обязательных форм прозрачности в отношении принятия алгоритмических решений, лежащих в основе систем рекомендаций по контенту, и путем требования к платформам обеспечивать больший контроль пользователя над работой таких систем — например, позволяя пользователям исключать определенный контент или источники (Sander, 2021).

Заключение

Государственное регулирование предопределило следующую систему ограничений свободы слова в сети Интернет.

Во-первых, предусмотрен механизм блокировки сайтов, на которых распространена запрещенная информация или информация, распространяемая с нарушением закона. Как правило, ограничение доступа к соответствующей информации осуществляется силами самих участников интернет-коммуникаций на основании уведомления от Роскомнадзора: в случае, если сам владелец сайта не удаляет соответствующую информацию обязанность по ограничению доступа к сайту возложена на провайдера хостинга, в случае ее неисполнения доступ ограничивается оператором связи.

Тенденциями законодательного регулирования ограничений свободы слова в сети Интернет в данной сфере являются преобладание административного порядка принятия решений о блокировании доступа к информации, расширение сферы усмотрения со стороны Генеральной прокуратуры, ориентирование на неопределенные и оценочные термины.

На основании проведенного анализа можно отметить следующие проблемы законодательства, административной и судебной практики по делам о блокировке сайтов в России.

Во-первых, законом установлены чрезмерно широкие и неконкретные основания для ограничения доступа к интернет-ресурсам, что создает проблему правовой неопределенности для пользователей сети Интернет и предполагает широкие пределы усмотрения для правоприменителя. Во-вторых, требования уполномоченных органов об ограничении доступа к сайтам зачастую не основываются на законе. В-третьих, ограничениям может подлежать и законный контент. В-четвертых, российское законодательство не предусматривает процессуальные гарантии для участия владельцев сайта в процедуре ограничения доступа и не содержит эффективного механизма для оспаривания блокировок сайтов.

Как было отмечено в Докладе о системе ограничений свободы слова в России, подготовленном Международной правозащитной организацией Human Rights Watch в 2017, ряд принятых после 2012 года законов РФ последовательно направлены на сужение пространства для общественных дискуссий, в том числе в Интернете, и особенно по вопросам,

которые российские власти считают для себя неудобными или чреватými расколом в обществе²³.

Следует также еще раз указать, что в настоящее время право на свободу слова, реализуемое в сети Интернет, ограничивается мерами, принимаемыми не только государством, но и интернет-компаниями.

Мессенджеры, видео-платформы и социальные сети предоставляют большие возможности для реализации гражданами и средствами массовой информации свободы выражения мнений. Информация может размещаться также и на самостоятельно создаваемых собственных сайтах. Ключевую роль в ограничении свободы слова в сети Интернет играет ограничение доступа пользователей к Интернет-ресурсам посредством возложения соответствующей обязанности на операторов связи. Законодательство устанавливает широкий перечень субъектов, которые могут выступать инициаторами принятия мер по ограничению доступа, а также весьма размытые формулировки оснований. Ограничения вводятся также и владельцами ресурсов, на которых размещается информация: их администрации самостоятельно устанавливают правила, регулирующие свободу слова, нанимаемые ими службы оценивают размещенные публикации на предмет соответствия таким правилам, и в случае нарушения посты или даже аккаунты пользователей блокируются, или принимаются меры по уменьшению охвата нежелательной публикации.

References / Список литературы

1. Balkin, J. M. (2018). Free Speech is a Triangle. *Columbia Law Review*, 118(7), 2011–2055. <https://columbialawreview.org/content/free-speech-is-a-triangle/>
2. De Gregorio, G. (2020). Democratising online content moderation: A constitutional framework. *Computer Law and Security Review*, 36, Article 105374. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105374>
3. Dobber, T., Farthigh, R. O., & Zuiderveen Borgesius, F. J. (2019). The regulation of online political micro-targeting in Europe. *Internet Policy Review*, 8(4), Article 1440. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1440>
4. Hartmann, I. A. (2020). A new framework for online content moderation. *Computer Law and Security Review*, 36, Article 105376. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105376>
5. Kuczerawy, A. (2017). The power of positive thinking. Intermediary liability and the effective enjoyment of the Right to Freedom of Expression. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 8(3), 226 para1. <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-8-3-2017/4623>
6. Land, M. K. (2020). The problem of platform law: Pluralistic legal ordering on social media. In P. S. Ber- man (Ed.), *The Oxford handbook of global legal pluralism* (pp.975–994). Oxford. <http://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197516744.013.12>
7. Murray, D., & Fussey, P. (2019). Bulk surveillance in the digital age: Rethinking the human rights law approach to bulk monitoring of communications data. *Israel Law Review*, 52(1), 31–60. <https://doi.org/10.1017/S0021223718000304>
8. Oliva, T. D. (2020). Content moderation technologies: Applying human rights standards to protect freedom of expression. *Human Rights Law Review*, 20(4), 607–640. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngaa032>
9. Sander, B. (2021). Democratic disruption in the age of social media: Between marketized and structural conceptions of human rights law. *European Journal of International Law*, 32(1), 159–193. <http://www.ejil.org/archive.php?issue=155>

²³ Online and on all fronts Russia's assault on freedom of expression. URL: https://www.hrw.org/report/2017/07/18/online-and-all-fronts/russias-assault-freedom-expression?_ga=2.25635965.1586429801.1500281624-464509152.1496743078

10. Stepanov, S. K., & Nektov, A. V. (2021). Digital forum as a challenge to jurisdiction of a modern state. In S. I. Ashmarina & V. V. Mantulenko (Eds.), *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy* (pp. 59–69). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47458-4_8
11. Suzor, N. (2018). Digital constitutionalism: Using the rule of law to evaluate the legitimacy of governance by platforms. *Social Media and Society*, 4(3), 1–11. <https://doi.org/10.1177/2056305118787812>
12. Weber, R. H. (2020). Socio-ethical values and legal rules on automated platforms: The quest for a symbiotic relationship. *Computer Law and Security Review*, 36, article 105380. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105380>

Сведения об авторе:

Флитер Яна — аспирант отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, младший юрист юридического департамента Банка России, Москва, Россия.

yanafliter@yahoo.com

Information about the author:

Iana S. Fliter — Iana S. Fliter – Ph. D. Student, Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

yanafliter@yahoo.com

BOOK REVIEW

TECHNOLOGICAL ORDERS AND LEGAL THOUGHT: A DUALISTIC PARADIGM OF DEVELOPMENT

Vladimir S. Osipov^{1*}, Aleksey V. Minbaleev²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russia, 123001

Review of a book

Pashentsev, D. A., Zaloilo, M. V., & Dorskaya, A. A. (2021). Changing of Technological Orders and Legal Development of Russia. Norma: INFRA-M.

Keywords

technological orders, fundamentals of digitalization, jurisprudence, theory of law, philosophy of law

For citation

Osipov, V. S., & Minbaleev, A. V. (2021). Technological orders and legal thought: A dualistic paradigm of development. *Digital Law Journal*, 2(3), 71-77. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-71-77>

* Corresponding author

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ: ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ

В.С. Осипов^{1*}, А.В. Минбалеев²

¹Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

²Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
123001, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Рецензия на книгу

Пашенцев, Д. А., Залойло, М. В., Дорская, А. А. (2021). Смена технологических укладов и правовое развитие России. Норма: ИНФРА-М.

Ключевые слова

технологический уклад, основы цифровизации, теория права, философия права

Для цитирования

Осипов, В. С., Минбалеев, А. В. (2021). Технологические уклады и правовая мысль: дуалистическая парадигма развития. *Цифровое право*, 2(3), 71–77. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-71-77>

* Автор, ответственный за переписку

This is not the first time that scientists from the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation have demonstrated to the scientific community the true results of interdisciplinary research; there is a gap in domestic legal science regarding solving modern scientific problems by integrating and generating knowledge and methods from various scientific fields, which these scientists fill. This is especially important in conditions when interdisciplinary research is not popular enough in domestic science; thus the results obtained usually take a long time to be evaluated and slowly gain recognition. One such study is the monograph “Changing of Technological Orders and Legal Development”, which follows the direction of post-nonclassical legal science based on interdisciplinarity as one of the fundamental principles of cognition.

The author’s team consists of well-known scientists — specialists in jurisprudence, in whose works the urgent problems of the development of the legal sphere in the context of digitalization and the widespread development of modern technologies have been repeatedly raised. The existing groundwork in the study of various issues of the mutual influence of law and technology allowed the authors to move on to the study of fundamental problems of historical and legal development through the synthesis of the achievements of legal and economic theories.

Academician T. Y. Khabrieva (2010) notes that “economic theory and jurisprudence as social sciences are linked by the unity of their universal and general scientific methods”. This position opens up wide opportunities for Russian researchers to discuss the mutual influence of economic and legal science for the benefit of solving the problems of state and social development.

Research by D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo, and A. A. Dorskaya focuses on the trend of the development of international social science. It explores relationships, mutual influence, and conceptual-categorical interchange, defining new areas and directions of the search and generation of knowledge, which can be observed by taking the example of a relatively new and widespread scientific trend – the economic analysis of law, aimed at considering legal institutions from the standpoint of economic conditionality, critically rethinking traditional legal research methodology.

However, the authors are not inclined to exclusively follow the mainstream of economic science, which is typical for some researchers (R. A. Posner, R. C. Ellikson, N. Mercuro, S. G. Medema, D. D. Friedman, H. Winter, J. Leitzel, or M. I. Odintsova), but rather continue to adhere to a balanced approach, reflected in the works of other researchers (D. C. North, G. Calabresi, A. G. Karapetov, S. V. Korolev, or I. L. Chestnov).

In this regard, the approach of the monograph’s authors is expressed by taking into account the evolutionary-institutional direction of economic science and irrational motives of the behavior of economic actors in accordance with the latest trends in the development of behavioral theory (R. Thaler, D. Kahneman, A. Tversky, R. J. Shiller, G. A. Akerlof, etc.).

The problem of legal support for the change of technological orders, the transition to a new way in modern conditions of digitalization of the economy, and the robotization of production, along with a reduction in the use of living labor in the reproduction process, requires appropriate legal support, since the collision of interests of labor and capital against the background of a “legal vacuum” is fraught with social upheavals, the experience and disastrous consequences of which are well known not only to Russia.

Thus, the definition of the legal content and legal regulation of technological structures in their historical and evolutionary dynamics seems to be an urgent research task in the development of fundamental science.

The successful combination and application of historical, comparative legal, and formal legal methods not only set a wide context for the study of the development of law in the light of changing technological structures (from the first to the modern sixth), but also ensured the novelty of the results obtained in the form of an increase in scientific knowledge and the identification of true economic and technological prerequisites for legal reforms of the past and present.

Despite the fact that the theory of technological structures is considered the direction of economic research (N. D. Kondratiev, J. A. Schumpeter, D. S. Lvov, S. Y. Glaziev, C. Perez, Y. V. Yakovetz, etc.), the authors thoroughly and reasonably explain the institutional and legal point of the processes of changing technological structures in relation to each order, which should be discussed in more detail.

The first technological order approximately refers to the period of the beginning of the development of technologies, which gave impetus to the development of capitalist relations. This conventionally begins from the second third of the 18th century and lasts for about a century.

During this time, outstanding works were created in the fields of politics, jurisprudence, and economics.

Accordingly, in his works Henry St. John Bolingbroke tried to prove that the conflict between the right of popular sovereignty and the divine right of the king had been exhausted, a period of struggle

for power had begun, and the time had come when the morality of those in power is directly dependent on responsibility.

David Hume (1998) made a significant contribution to the development of the doctrine of state and law, arguing that the state is created by usurpation or violent conquest without the consent or voluntary subordination of the people. The state, according to Hume, is a collection of rulers and subjects, which ensures the realization of a common interest. Adam Smith (1998) defended the idea that human actions are guided by moral ideas, but in the *Wealth of Nations* advocated a minimal role for the state and greater freedom of private entrepreneurial initiative. During the same period, other outstanding works were created: Emer de Vattel, William Blackstone, Jeremy Bentham, Edmund Burke, William Godwin, François Marie Arouet Voltaire, Jean-Jacques Rousseau, Charles Louis Montesquieu, and many others.

The second technological mode took place in approximately the last two thirds of the 19th century, when steam engines, steam navigation, industrial coal mining, and the development of railways found widespread use. In the social sciences and jurisprudence in particular, this period is characterized by the active development of the historical school (I. Koenig, F. Savigny, G. von Hugo, G.-F. Puchta, S. Muromtsev, P. Novgorodtsev, etc.), which promoted the idea gradual evolutionary reform of legislation and law, taking into account the historical experience of peoples, their customs, and their moral and ethical ideas. The first attempt was made to resist the statist approach to law.

In the same period, R. Pound's iconic work "Mechanical Jurisprudence" (1908) was published, which assesses the role of logic in the methodology of legal science. It is important to mention here that the so-called pragmatism begins to dominate in philosophy (C. S. Peirce, W. James, J. Dewey), which could not but affect research in the field of legal science and social sciences in general. Pound's criticism of the rational approach in jurisprudence results in his refusal to recognize science itself as "mechanical" and scientific jurisprudence. The productive development of law, according to Pound, should be based on the philosophy of pragmatism: that is, in practice as a criterion of truth, on meaning, not form, on applied significance, and on the practical implementation of the rule of law.

The French school of legal institutionalism, represented by M. Hauriou, harshly criticized the position of adherents of the regulation of law and its identification with the law. Thus L. Duguit, F. Moreau, F. Gény, and others unambiguously pointed out that "... there is only one type of law, since there is one type of norm — the law ... and as for the usual norms, it is hardly worth qualifying them, since in fact they no longer exist" (Duguit, 1907; Moreau, 1902; Geny, 1919). Hauriou, however, calls this position fruitless and contrary to "the given history and the facts of modern life" (Hauriou, 1910). In this regard, we state the convergence of the positions of R. Pound and the French institutionalist M. Hauriou. The latter noted that "the invention of the law did not destroy either regulation or custom; the law simply established its supremacy over them" (Hauriou, 1910). The recognition of the rule of law, however, did not abolish the roles of custom or the historical order, which is important precisely for the practice of implementing norms.

In this regard, Pound noted that the excessive scientific nature of law is harmful in the impact of the law on society (which surely can be regarded as the embeddedness of legal nihilism). Avoiding mechanisms, petty regulation, or raising the letter above the spirit can significantly alienate society from law due to the complexity of the texts and their weak realizability in practice in the regulation of social relations. Ford's conveyor system suffered from the same problem: production operations were subject to petty regulation, whilst the monotony of work operations led to workers' rapid fatigue and a sharp decrease in labor productivity. This disadvantage was subsequently eliminated

through the widespread use of automated and robotic production lines – that is, by minimizing the use of living labor in the production process.

The third technological order is characterized by discoveries in the field of inorganic chemistry, the development of ferrous metallurgy, shipbuilding and wider railway construction, and a significant increase in the number of patents for inventions. This period roughly coincided with the end of World War II.

There was a tendency in jurisprudence to condemn totalitarianism (G. Radbruch), with the revival of natural law (J. Messner, A. Auer, E. Wolf, F. Horst, H. Rommen, etc.). In many ways, the appeal to natural law ideas was the result of the condemnation of Nazi, fascist ideas about law and the state (G. Gentile, U. Spirito, W. Frick, A. Rosenberg, J. Binder, etc.).

The development of natural-legal ideas in jurisprudence was also facilitated by the famous work of H. Kelsen “The Pure Theory of Law”. It should be noted that Kelsen clearly understood the difference between what is and what should be: “The identification of the form of the state with the constitution exactly corresponds to the prejudice, according to which all right is contained in the law” (Kelsen, 1960). Despite Kelsen’s clearly positivist views, his idea of differences in the formulation of the rule of law and its implementation deserves every support.

It is important to note that the classical theory of law has finally taken shape and coincided in time with the implementation of the fourth technological order. This is characterized by the creation and active use of internal combustion engines, computers, conveyor production, etc. The sectors of the automotive industry, electronics, astronautics, and nuclear energy are rightly considered to be the core of the fourth technological order. The conveyor type of production is characterized by the monotony and repeatability of operations, their precise regulation, their automation, and control of execution; thus, attention is paid to the structure of the rule of law, as well as the identification of the right and the rule of law. The technocratic approach to law resulted, among other things, in the inertness of the rules of law, their some detachment from the practice of implementation. The conveyor system of H. Ford was built in such a way that all stages of the production process were divided into basic operations that could be quickly trained to an employee and which could be quickly carried out in the production process. Regulation, relative simplicity, and the monotony and repeatability of operations dramatically increased labor productivity in the framework of conveyor production. This idea has been borrowed from so many activities, such as in the field of fast food. It was widely implemented in the most unexpected places: for example, it gave impetus to the development of ergonomics for the purposes of labor productivity.

This was reflected in the development of law. The accuracy of the wording, the severity of the consistency, the structuredness and form of the rule of law, and the form in the broadest philosophical understanding turned out to be, to some extent, more important than the content. For example, H. L. A. Hart (1961), who described law as coercive orders, explores the problems of formalism in law. The prevalence of form over content is a consequence of the transformations of the times of the fourth technological order and, at the same time, a “wicked problem” of modernity. Achievements in the field of cybernetics, statistical science, and mathematics had a significant impact on the law. Scientists proposed making more active use of these achievements, especially in criminal law and forensic science.

The fifth technological order, in a sense, continues the achievements of the previous order and is characterized by the rapid development of microelectronics, biotechnology, new types of communication (Internet, fiber-optic technology, cellular communication), and information technologies. Its difference from the fourth is reduced to the transition from serial and mass production, according to

the conveyor production model, to mass individualized production, increasing the flexibility of production to take into account the individual needs of the consumer. It became clear that the needs of consumers differ from each other and are not reducible to a “common denominator”. In legal science, this resulted in taking into account the individuality of the behavior of a citizen, including the characteristics or the motives of their behavior and participation in public legal relations. Although the rule of law was still identified with the legislation, practice has already considered the differences in the implementation of the rule of law by different citizens.

The sixth technological order, and behavioral aspects of the activities of individuals and legal entities, made it possible to return to the idea that the rule of law is broader than the legislative norm, since it provides for the actual implementation of the rule in practice.

Naturally, the authors paid great attention to the current sixth technological order with its nanotechnology, digitalization, and the Internet of Things. In our opinion, law as a science has predictive tools, and it would be interesting to know the authors’ opinion on the legal basis and consequences of the transition to the upcoming seventh technological order of metacognitive technologies. In addition, we would like to invite the authors to consider the mutual influence of legal and economic sciences along with sociological, political science, and psychological branches of knowledge for a more complete disclosure of the paradigm of technological orders.

These remarks set the trajectory of the further research program in the direction of expanding the boundaries of interdisciplinarity on the basis of a continuously developing theoretical core, the commonality of fundamental ideas, and the principles of understanding past and modern legal events laid down in the monograph. This does not diminish the overall positive work experience.

The monograph makes a significant contribution to the growth of scientific knowledge as an interdisciplinary economic and legal research aimed at the development of fundamental science.

We would like to wish the authors creative inspiration to continue research in a given thematic direction and the subsequent development of the fundamental innovative ideas outlined in the monograph under review.

References

1. Duguit, L. (1907). *Manuel de droit constitutionnel: Théorie générale de l'état-organisation politique*. Albert Fontemoing Editeur.
2. Geny, F. (1919). *Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif*. L.G.D.J.
3. Hart, H. L. A. (1961). *The Concept of Law*. Oxford University Press.
4. Hauriou, M. (1910). *Principes de Droit Public*. Recueil Sireu.
5. Hume, D. (1998). *An Enquiry concerning the Principles of Morals* (T. L. Beauchamp, Ed.). Oxford University Press. (Original work published 1751)
6. Kelsen, H. (1960). *Pure Theory of Law*. Berkley.
7. Khabrieva, T. Ya. (2010). Economic and legal analysis: a methodological approach. *Journal of Russian Law*, 12, 5–26.
8. Moreau, F. (1902). *Reglement administratif: Étude théorique et pratique de droit public français*. Albert Fontemoing Editeur.
9. Pound, R. (1908). Mechanical Jurisprudence. *Columbia Law Review*. 8(8), pp. 605–623.
10. Smith, A. (1998). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations* (K. Sutherland, Ed.). Oxford University Press. (Original work published 1776)

Information about the authors:

Vladimir S. Osipov* — Dr. Sci. in Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Asset Management Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia.

vs.ossipov@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0003-3109-4786

Aleksey V. Minbaleev — Dr. Sc. in Law, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lab.kpit@msal.ru

ORCID 0000-0001-5995-1802

Сведения об авторах:

Осипов В. С.* — доктор экономических наук, Ph.D., доцент, профессор кафедры управления активами Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Москва, Россия.

vs.ossipov@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0003-3109-4786

Минбалеев А. В. — доктор юридических наук, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Lab.kpit@msal.ru

ORCID 0000-0001-5995-1802

